

Аркадий Грищенко

Планета на распутье

Фантастические рассказы

Аркадий Грищенко

**Планета на распутье.
Фантастические рассказы**

«Издательские решения»

Грищенко А. А.

Планета на распутье. Фантастические рассказы /
А. А. Грищенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836618-5

В книгу вошли избранные рассказы автора. Темы рассказов — разные, действие происходит на Земле, на планетах Солнечной системы и других звёздах нашей галактики Млечный путь.

ISBN 978-5-44-836618-5

© Грищенко А. А.
© Издательские решения

Содержание

Происшествие на трассе М-5	6
Кто они?	28
На окраине галактики	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Планета на распутье

Фантастические рассказы

Аркадий Грищенко

© Аркадий Грищенко, 2017

ISBN 978-5-4483-6618-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Происшествие на трассе М-5

– Хорошо тому живётся,
У кого одна нога!
И ботинок меньше рвётся
И порточина одна!

Так распевал, въезжая на велосипеде на главный проспект города Егорьевска весёлый молодой человек в белой засаленной майке, коротких шортах и самых настоящих, правда, стареньких кедах ещё советского образца. Голова молодого человека была чисто обрита и слегка отливала синевой, видимо, от чистого безоблачного неба. Глаза его излучали доверчивость к людям, хотя сразу было заметно, что человек сильно проголодался и не прочь пожевать какой-нибудь пищи.

Городок Егорьевск стоял на государственной автотрассе М-5 и насчитывал немногим более трёх с половиной тысяч человек. Совсем недавно здесь была глухая деревня, которую водители проезжали со страшной скоростью, потому что кто-то сдуру догадался покрасить дорожные знаки на въезде и выезде в синий цвет. И бабки с одной стороны деревни металась к подружкам на другую сторону с такой же бешеной скоростью и потому имели крепкое здоровье и подолгу жили. Мужиков здесь осталось мало, менее тридцати процентов от всего населения, и кроме крепкого самогона другой радости они не имели, и старались на другую сторону с женщинами не соваться – могли не успеть перескочить дорогу, так как трасса М-5 на этом отрезке была очень оживлённой. Даже сами жители удивлялись здешнему отсутствию ДТП. Ни одной жертвы за всё время существования деревни и даже после переименования её в посёлок, а затем и в город! Сами переименования, однако, не привели к изменению положения с ограничением движения по центральной и единственной улице, кем-то в насмешку названной проспектом дедушки Калинина. Михаила Ивановича знал, да и то только понаслышке, завбиблиотекой Коля Калашников, но это был вообще шибко грамотный для здешних мест человек, которого и подозревали все приезжие в том, что именно он назвал улицу именем бывшего всесоюзного старосты. Но на скоростях пронесившихся сквозь населённый пункт машин это совсем не отразилось: скорость не снижалась только из-за дорожных знаков. Знаки меняли несколько раз, но к утру надписи на них вновь оказывались на синем фоне. Приезжали из полиции, брали соскобы со знаков, чтобы провести расследование и найти злоумышленников, но ни к чему это не привело, причину не установили. А после того, как исчезли по очереди несколько накануне установленных красных знаков ограничения скорости до 40 километров в час, дэпээсники плюнули на все эти чудеса и оставили деревню, то бишь город Егорьевск, в покое. Нет ДТП – ну и ладно!

Молодой человек в майке оказался настолько везучим, что даже на велосипеде сбил на обочине проспекта старую Пелагею и ловко кинулся её поднимать, бормоча извинения. Весёлость с него сразу исчезла, зато Пелагея, пытаясь самостоятельно выбраться из лужи, куда она нырнула вместе с велосипедом, изумлённо бормотала, неловко улыбаясь:

– Да как же это ты, сынок, смог-то? Мы ведь здесь – в Егорьевске – все заговорённые! Нас даже иномарки боятся, ни разу не поцарапали, а ты – вона! – сразу меня в грязь! Да ещё на такой неказистой технике...

– Бабуля! – говорил в это время молодой человек. – Я всегда такой неосторожный бываю, когда очень голодный! У тебя, случайно, покушать чего не найдётся?

– Как не найдётся? – удивилась поднявшаяся Пелагея. – Мой-то опять сильно захворал, вина обожрался! У него так всегда: как перепьёт, так аппетит и пропадает на несколько дней. Так что покормлю я тебя, конечно, больно уж ты тощенький будешь, как бы не помер...

И Пелагея крупно пошагала мимо проспекта впереди молодого лихача, понуро спешившего за ней, придерживая погнувшийся при падении велосипед.

– Тебя, милоч, как звать-то? – обернувшись на миг, спросила бабка.

– Остап я, так родители назвали в честь какого-то бога, – сознался парень, уже сильно уставший. Пот лил с него градом. – Бабуль! А когда мы до твоей избы доберёмся?

– Что? Упрёл уже? – поинтересовалась Пелагея, на сей раз даже не повернувшись к нему. – Небось дойдем, не переживай... Слухай, милоч, а фамилия твоя случайно не Бендер? Внешне, правда, ты не похож на того деятеля, но мы пока о твоих делишках ничего и не знаем!

Через пару минут она свернула вниз к белому дому с открытой дверью. У двери сидел на пенёчке дряхлый дед, весь заросший и седой.

– Принимай, Ванёк, гостя! – гаркнула Пелагея от дороги, и дед вздрогнул, наклонился вперёд и чуть не упал, разглядывая пришедших.

– А кто это будет? – прошамкал он беззубым ртом.

– Как кто? – весело ответила Пелагея. – Познакомься – это Остап Бендер с Большой дороги. Сильно проголодавшийся, между прочим.

– Да не Бендер я! – замахал руками Остап. – Ваша супруга просто шутит...

– Моя супружница никогда не шутит! – сурово заявил дед Ваня и неловко завалился набок. И сразу громко захрапел. Выскочившая откуда-то из-за загородки чёрная невзрачная дворняжка жалобно заскулила и принялась лизать деду лицо, видимо, пытаясь его разбудить.

Пелагея постояла с минуту около маявшейся собаки, махнула рукой и повела гостя в дом.

– Никак ещё принял на грудь, видать, в погребке нарыл! И как только находит? Что ни нагоню – всё его, если у соседки не спрячу. В это время его лучше не трогать, всё равно ничего не соображает. Помой в углу руки и садись за стол, сейчас накормлю.

Вскоре на столе появилась тарелка дымящегося борща, тарелка с солёными огурцами и сковородка с утренней картошкой. Пелагея протянула Остапу кухонный нож и буханку ржаного хлеба. Он нарезал несколько ломтей и принялся насыщаться, а хозяйка села напротив и умильно смотрела на это зрелище.

– А чем же ты занимаешься, мил человек? – спросила она. – И какими судьбами занесло тебя в наши края из столицы?

Остап поперхнулся, приостановившись на секунду с трапезой:

– Откуда вы взяли, что я из столицы?

– Понятно с первого раза, – уверенно проговорила Пелагея, проницательно разглядывая парня, – и по одежде, и по манерам, и по разговорам. Да ты жуй, не останавливайся! Голод – не тётка, на голодный желудок ничего толкового тебе не придумать!

Остап напугался ещё больше. Экстрасенс она, что ли?

– Зачем мне что-то придумывать? Сейчас поем и дальше поеду!

– Как же ты поедешь, коль каталка твоя сломалась? Не надо было наезжать на меня! Просто попросил бы покормить и всё... – Она надолго задумалась о чём-то, пока Остап доедал картошку с огурцами. Затем Пелагея оживилась:

– Переночуешь сегодня у нас в зале, постелю тебе на полу в углу. А утром починешь свою технику и попробуешь устроиться на работу. Кажись, в мэрии электрик требуется.

На этом вечер закончился. Остап сразу уснул рядом с хозяйским псом на стареньком полосатом матрасе, не дождавшись окончания семейных проблем и отключения света.

* * * * *

Пелагея разбудила нашего героя в шесть утра. Она включила на кухне свет и прогнала коротким прутом наглую псину, разделившую постель с гостем. Слегка прут задел и Остапа. Он сразу вскочил и собрался драпать, пока открыта дверь на улицу, но хозяйка предусмотрительно схватила его за резинку от трусов и только этим смогла остановить. Не терять же последнее нательное бельё!

– Тебя, Бендер, ждут в мэрии к полдевятого, – ласково пропела она, – я обо всём договорилась...

– Да не хочу я работать электриком! – рыпнулся было Остап. – И вообще никем работать не хочу! Мне и так хорошо. Везде покормят, обуют, приютят.

– Цыц! – рывкнула старая Пелагея. – Это я напрасно, что ли, про тебя – уголовного – старалась? Хотела помочь человеком стать!

Уже который раз Остап почувствовал властную силу Пелагеи, она будто мысли читала, знала про него больше, чем он сам. На сей раз он решил смириться и сделать, как она решила, придёт время, и он даст такого дёру, что никому не угнаться!

– Ты только не думай, что сможешь сбежать отсель без моего спросу! – догадливо сказала хозяйка, ловко накрывая на стол. – И дня не протянешь в своей паршивой жизни, если попробуешь меня обмануть. Сказала, что сделаю из тебя человека, значит, сделаю!

– Да кто ты такая, чтобы мною командовать? – вскипел Остап. – И вообще, перестань меня Бендером называть, мне до него далеко.

Однако он посетил пахнущий сосной новенький деревянный туалет и умылся во дворе, покосившись на деда Ваню, который будто и не был ночью дома, а так и ночевал под стоявшим рядом ветвистым дубом, завалившись на левый бок. Храпел он безбожно. Рядом пёс поедал какие-то куски из алюминиевой посуды, весьма отдаленно напоминавшей смятую вдрызг тарелку. Остап поглядел на вставшее из-за дороги яркое солнце, прислушался к непрерывному пению мчавшихся машин на автотрассе и вернулся в дом. За столом вместе с Пелагеей он пожевал горячей яичницы и попил крепкого чая с чёрным хлебом.

– Ты меня так и будешь кормить бесплатно, пока не перевоспитаешь? – спросил он Пелагею, покосившись на вошедшего пса.

– Ещё чего! – удивилась та. – Ты пойдешь работать, будешь вкалывать по самое не балуйся, а зарплату отдашь мне. Думаю, что месяц нам с тобой хватит.

– Не понял! На что месяц хватит?

– Так на твое перевоспитание! Дальше ты поедешь от меня нормальным человеком. Никто к тебе не будет с претензиями, никто тебя не будет искать, чтобы вновь посадить в каталажку. Или ты у нас хирувимчик? – добавила лукаво Пелагея, когда Остап попытался протестовать.

«Пожалуй, действительно не похож!» – подумал Остап и смирился с судьбой.

К мэрии Егорьевска Пелагея повела Остапа сама, видимо, забоялась, что по дороге потеряется. Одноэтажное здание, ранее бывшее бойким магазином на трассе, имело солидную вывеску по принадлежности и помятую металлическую дверь с двумя ржавыми пружинами. За дверью в коротком коридоре пахло застарелой торговой точкой, а на полу были разбросаны куски смятой бумаги, двухжильных проводов и обрывки изоляционной ленты. Пелагея толкнулась в крайнюю слева деревянную дверь с наклеенной бумажной надписью «Мэр Егорьевска Понюшкин Георгий Васильевич». За столом у компьютера сидел носатый мужик в красном пиджаке и играл в «Солитёра». Пелагея насмешливо спросила:

– Ты, Жорик, не сильно занят? – не дожидаясь ответа, она продолжила: – Я тебе электрика нашла. Нужен? Или уже место занято?

Жорик медленно перевёл взгляд с монитора на вошедших и, ничего не сказав, продолжил игру. Однако левой рукой сделал какое-то неуловимое движение и в здании раздался

тревожный звонок. Моментально в дверь ворвалась молодая дама широких размеров и невысокого роста, одетая весьма прилично для столь незначительного населённого пункта.

– Вызывали? – спросила дама.

– Займись новым электриком! – приказал мэр, не отрывая рук от клавиатуры, а глаз от экрана.

Получив команду, дама внимательно вгляделась в посетителей. Сразу узнав Пелагею, как постоянную просительницу чего-нибудь, она коротко ей кивнула и перевела взгляд на Остапа. Взгляд был очень оценивающий. Будто дама сама проработала электриком десяток лет и не хотела ошибиться в выборе кандидатуры. Подумав самую малость, дама протянула Остапу руку и коротко представилась:

– Оксана Петровна! Можно и Петровной величать, но главное соблюдать культуру речи.

– Это что за культура такая? – вынужден был спросить Остап. – Без красного словца что ли?

– Вот именно, без него самого! – сразу приняла деловой тон Петровна. – А то бывший до вас электрик обращался ко всему живому и не живому с обязательной добавкой кучи этих самых разнообразных слов – и красных, и синих, и даже фиолетовых! Думаю, что при вашем возрасте некоторые из тех слов вы пока не встречали ни в литературе, ни в обиходе.

Новый электрик не поспевал следить за её быстрой речью и казался сам себе ущербным. Но Пелагея его успокоила, успев шепнуть, что помощница мэра всегда любит говорить излишне красиво, но дело знает и всё будет хорошо. С тем она и оставила Остапа один на один с Оксаной Петровной решать производственные вопросы, а сама развернулась и ушла. Наверное, пришла пора накормить мужа.

Оксана Петровна, не теряя понапрасну время, вывела Остапа в коридор, завела в крошечный закуток в углу здания и показала рукой на стол с наваленным на нём инструментом, из которого часть напоминала электрические. Поскольку Остап разбирался только в тюремной электротехнике, ему было сложно сразу сообразить, достаточно ли на столе подсобного материала. К тому же пока он не представлял, что нужно делать в мэрии электрику. Или он будет обслуживать весь город?

Пока он раздумывал над этим вопросом, Оксана ловко взяла в правую руку пассатижи и, помахивая ими в воздухе, стала инструктировать:

– Вашей задачей будет содержать в образцовом порядке здание и прилегающую территорию. Вы всё увидите... А пока займитесь коридором, здесь уже две недели нет света. А оформление на работу в соответствии с Трудовым кодексом мы проведём завтра. – И повернувшись на каблуках, она быстро выскользнула из закутка, успев бросить пассатижи на прежнее место.

И понял Остап, что он по своему желанию или по чужому, но уже работает электриком при мэре Егорьевска...

* * * * *

В первую отсидку Остапу пришлось помогать разным людям содержать в порядке территорию, камеры, столовую, отхожие места. Среди задержанных и осуждённых встречались лица самых экзотических профессий, а уж электромонтёры там попадались на каждом углу и в каждой камере. Беда была в том, что с детства Остап боялся тока больше огня из-за неудачного опыта в детском саду, когда он вздумал двумя пальцами проверить дырочки в раздолбанной розетке. Подняли на ноги его тот раз быстро, но электричество с тех пор не привлекало, к работе с проводами он не стремился. И вот пришлось столкнуться, сколько дней он проведёт в нелюбимой профессии.

Остап обошёл стол, рассматривая наваленные на нём предметы, некоторые были более-менее знакомы. Потом вышел в коридор и обошёл его, изучая разводку проводов

на стене. Часть проводов оказались разорванными, будто кто-то упражнялся с ними, проверяя на прочность. Большое окно в торце коридора позволяло работать в дневное время. Поблагодарив судьбу за то, что всё происходит летом, а не в зимние тёмные дни, Остап принялся за дело. Он нашёл щиток с пробками, на всякий случай вывернул их все, чем вызвал неудовольствие мэра, высунувшегося в коридор с просьбой позволить закончить игру на компьютере. Остап очень вежливо послал Жорика в определённом направлении. Но тот успел скрыться в кабинете, не дослушав адреса, а новый электрик, проверив оборванные провода на отсутствие напряжения, надставил их, скрутив накрепко плоскогубцами, и вновь ввернул пробки. Как ни странно, в коридоре моментально зажёгся свет, а мэр из кабинета крикнул какие-то слова благодарности. В туалете Остап помыл руки под струей холодной воды и хотел было найти Петровну для отчета о проделанной работе. Однако, понял, что этого делать не следует. Она может найти другую работу. Вместо этого Остап вышел из мэрии и прошёл по дорожке от неё до конца городка по эту сторону проспекта Калинина. За городом располагался шикарный пруд, где находилось, видимо, всё мужского население Егорьевска, кроме мэра. У каждого было по две-три удочки, и все сидели в разных позах в ожидании поклёвки. Рыбы было, наверное, очень немного, потому что в течение получаса, расположившийся на пригорке Остап, не заметил никакого оживления среди окруживших водоём мужиков. Ближайший к нему громко позвал:

– Бендер! Половить не желаешь?

– Я не Бендер! – строго сказал Остап.

– Да какая разница? – удивился парень в красной рубашке. – Ты же – новый электрик у Понюшкина?

– Откуда вам известно? – удивился такой быстрой осведомлённости Остап.

– Да деревня наша маленькая... Мы здесь всегда электрика с главной конторы Бендером величаем, имя нравится. Мы их уже троих закопали, невезучие оказались. Так будешь ловить или нет?

– Это в каком смысле – закопали? – заинтересовался Остап. – Кого?

– Электриков и закопали! Ну похоронили, если ты слов русских не понимаешь... Одного током долбануло, другой Васяткину жену соблазнил и тоже, значит, там очутился, в могиле, то есть. Васятка же срок тянет за убийство. Третий – в этом пруду утонул. Никто не может до сих пор понять, как его угораздило здесь утонуть, ведь глубже полутора метров нигде нет. К тому же твёрдый трезвенник был, ни разу в нашем местечке его пьяным не видели.

Остапу стало не по себе. Что-то здесь не так.

– Так вы здесь собрались...

– Наконец-то дошло! – облегчённо выдохнул парень. – Конечно, собрались поглазеть на очередного кандидата в жмурики. Рыбы-то здесь отродясь не водилось, хотя и были попытки развести...

Остап повернулся и бросился домой к Пелагее. Он схватил валявшийся у загородки велосипед и начал его рассматривать со всех сторон на предмет срочного ремонта. Бородастый Иван в накинутах на грязную майку телогрейке с любопытством посматривал на него с завалинки, изредка пригубляя полторашку из-под газировки. И псина была здесь же, радостно виляла хвостом, обнюхивая детали велотехники и приноровляясь помочиться на них. Остап отогнал её и пошёл в дом искать Пелагею. Она стояла в углу перед образом и истово крестилась. В другом углу стояла большая полная бутылка с мутной жидкостью и несколько пустых поллитровок, одна из них – с небольшой воронкой.

Остап сел в старое кресло у стола и задумался. Велосипед починить сложно, нужно искать специалиста, а денег нет. С другой стороны, всё, что с ним случилось, это судьба, нужно за жизнь бороться. Ну похоронили кого-то здесь... А мы к бабам приставать не будем,

чем резко уменьшим опасность работы электриком. И купаться в безрыбном пруду не станем, даже под расстрелом! И с током сдружимся, отрубать весь город будем, даже если только лампочку вкрутить потребуется.

Пелагея закончила свой намаз и повернулась к нему:

– Чего припёрся так рано? В разгар рабочего дня! Так ведь и уволить могут. Есть захотел? Ну и прожорливый ты, Бендер!

– погоди, бабуль! – взмолился Остап. – Ты объясни лучше, что здесь у вас творится-то! Мужики на пруду собрались и на меня как на покойника уже смотрят. Говорят, что с электриками в Егорьевске всегда какая-нибудь беда случается. Я на такое не подписывался, давай я ещё кем-нибудь поработаю?

– Да не волнуйся ты! – засуетилась Пелагея, собирая на стол. – Вот, к примеру, наш старый Евсеич проработал электриком сорок лет до самой смерти. А молодые, действительно, не уживаются пока. Может, наколдовал он чего перед смертью, его за глаза колдуном мы звали. Но тебе предстоит это перебороть, наладить у нас хорошее электрохозяйство. Вон как ловко ты сегодня свет в мэрии починил! Мне Петровна всё рассказала и похвалила тебя. Заодно и трудовую книжку оформленную передала, на столе лежит. Небось, такой у тебя никогда не было, наконец-то становишься человеком!

С нехорошими предчувствиями пообедал холодными щами Остап и, подбадриваемый радостной Пелагеей, побрёл к месту основной работы мимо храпящего у дома на телогрейке Ивана. Полторашка его была почти пуста и, похоже, что хозяйская собака тоже отведала из лежащей горизонтально пластиковой бутылки, потому что вытянулась рядом с дедом и тоже посвистывала носом, не обращая ни на кого внимания.

* * *

В кабинете мэра тёмная занавеска прикрывала окно и царил небольшой полумрак. Компьютер был выключен, и у освобождённого от основных дел Понюшкина Георгия Васильевича на коленях сидела Оксана Петровна. Она уверенно говорила, полуобнимая шею мэра и глядя по его лысой голове другой рукой:

– Жора! Нужно попробовать пробить в области дополнительные средства для Егорьевска, мы могли бы неплохо ими воспользоваться. К пятнице я подготовлю перечень мероприятий, для осуществления которых городу обязательно потребуются деньги.

В дверь осторожно постучали. Петровна изящно приподняла свой зад с коленей мэра, а сам он мгновение спустя громко буркнул:

– Входите, не заперто!

Вошёл местный полицейский – младший лейтенант Василий Ивашкин.

– Явился доложить, шеф! – с порога очень бойко начал он. – Своих подчинённых буду представлять к увольнению, опять вдрызг нажрались оба, а меня послали в одно известное женское место. Предлагаю повысить зарплату и набрать новых.

Мэр задумался, затем изрёк, поглядывая с удовольствием на отдернувшую шторку и застывшую у окна Оксану Петровну:

– Знаете, коллеги! Нам в Егорьевске, как и в областных городах тоже пора вводить институт правительства со своим премьером и министрами. Ведь в порядочном городе куда не плюнь – очень сложно не попасть в министра! Тогда бы я только заслушивал отчёты о проделанной работе. Кстати, в этом случае нам уж точно добавят средств на развитие городского хозяйства, инфраструктуры и, естественно, мы сможем повысить себе зарплату. Вот ты, Ивашкин, хочешь стать министром внутренних дел?

Молоденький полицейский вздрогнул и испуганно уставился на мэра:

– Что вы, Георгий Васильевич! Не хочу, конечно, зачем это мне?

Оксана Петровна улыбнулась одними глазами и пошла к себе в кабинет, чтобы не слышать пустых мужских разговоров.

– Как зачем? – рывкнул мэр. – У тебя какая сейчас зарплата? Получаешь ты сколько?

– Восемь с половиной тысяч в месяц! С мелочью...

– Во-о! А назначим тебя министром – сразу станешь богаче минимум в десять раз!

– Это как? – не смог сам сосчитать Ивашкин, полученное в училище образование не позволило.

– А так! Восемьдесят тысяч оклад тебе положу без всякой мелочи и такую же премию за каждого пойманного твоим министерством преступника. И новым подчинённым твоим добавим. Теперь ясно?

У Ивашкина что-то замелькало в глазах, видно, вспомнив школьный курс арифметики, он занялся расчётом, и сразу доложил:

– Господин мэр! Ведь это что же получается? Если мы половину города сдадим, как преступников, я сразу смогу купить домик у моря в Майами! Это ведь здорово! Когда прикажете начинать?

Понюшкин несколько минут переваривал сказанное полицейским, задумчиво подошёл к открытой двери и захлопнул её. Потом спросил:

– А где ты столько у нас преступников найдёшь?

– Ну как? – удивился будущий министр. – Ведь для пользы дела, что хочешь можно в любом хозяйстве найти. Или подбросить! Вот я иностранное кино анадэсь глядел, там наркотики аккуратно так подсовывают в самые неожиданные места, а затем всей гурьбой находят... С понятиями, ясное дело.

– Это ты Пелагее, что ли, наркотики подбросишь?

– Так совсем не обязательно, можно её полуживому деду. Всё равно он скоро от самогону помрёт! Вашей помощнице Петровне можно потихоньку в сумочку положить, она её часто везде забывает. Это как захотеть! Какую цель себе поставить!

– Э-э, батенька! – укоризненно проговорил мэр. – Передумал я тебя ставить министром, не дорос ещё! Башка пока у тебя не варит в достаточной степени. Вот подумай сам: где ты столько наркотиков найдёшь для работы?

Ивашкин поморгал глазами и предложил:

– Пусть с наркотой не получается! Но в своём облечённом правительством городке мы могли бы издать закон по запрещению самогонварения. После этого можно будет посадить всё население. И вам, господин мэр, в Майами квартиру прикупим...

– Ты погоди, любитель океанских просторов и заморских островов! Чем тебе моя Петровна стала не по душе? Меня, например, она всем устраивает, – он облизал свои пухлые губы, – что ты к ней имеешь? Разве не знаешь, что я с ней сплю?

– Да ничего не имею, – опять испугался полицейский, с которого враз слетела министерская осанка, – и потом – у вас жена есть... – растерянно добавил он.

– С женой я тоже сплю... – устало ответил мэр. – Одна морока с тобой, сыщик Егорьевский! Иди, работай!

Очень расстроенный вышел из мэрии Ивашкин и, увидев Остапа, бредущего от Пелагеи, недовольно спросил:

– А ты чего, Бендер, туда-сюда бегаешь? От работы линяешь?

– Никак нет, господин полицейский! – вытянулся перед ним Остап. – Прикажете что-нибудь починить в нашем электрохозяйстве?

Поскольку к Ивашкину в бывшей деревне никто так почтительно не обращался, чаще величали по старинке ментом, он сразу подобрел и неожиданно сделал Остапу предложение:

– Бендер, а ты бы смог стать министром энергетики Егорьевска? Потянул бы такую работу?

Остап очень удивился и, подумав, что у мента неожиданно поехала крыша, молча обошёл его стороной и поднялся в здание мэрии. Здесь он зашёл в своё крошечное, пытавшееся стать родным, помещенье размером с небольшой туалет, сел на стул и, склонив голову на сложенные на столе руки, очень скоро задремал.

* * *

Во сне Остапу привиделось, что он действительно назначен министром энергетики Егорьевска и начал преобразовывать город. Перво-наперво он разместил вдоль оживлённой автотрассы короткие ветряные электроустановки собственной конструкции, собирающие энергию ветра от мчащихся с огромной скоростью машин, которые позволили полностью отказаться от внешнего электричества. Затем Остап придумал использовать разработанные где-то за рубежом новые фотоэлементы с высоким КПД. Расположенные на полях площадью несколько десятков квадратных километров, они позволили очень выгодно продавать избытки электроэнергии в соседние города, а сельские жители, использовавшие до этого поля в целях выращивания злаков и овощей, сидели по домам и смотрели телевизор, гуляли по странам с помощью Интернета, да ещё получали высокие дивиденды с прибыли нового энергохозяйства. И, конечно, гнали самогон, пили самогон, продавали самогон в ближайшие и отдалённые населённые пункты. Здесь они тоже имели хороший навар, так как сахар был дешёв, а водка и другие крепкие алкогольные напитки облагались правительством всё большими налогами и цены на них росли, как на дрожжах. Егорьевчане же для улучшения качества своего самогона не скупилась на самые современные перегонные аппараты, которые помогали гнать наичистейший спирт без всякого постороннего запаха. Из этого спирта несложно было изготавливать прекрасные настойки любой крепости. После откомандирования одного умного человека за границу в Грузию, местные умельцы научились получать разных сортов коньяки и бренди. Бутылки и этикетки приобрести труда не составило, поэтому вскоре Егорьевск превратился в ликероводочную столицу всей России. Министр энергетики занимал один из лучших домов в городе, где принимал своих помощников и давал им ценные указания. Во время одного из таких рабочих моментов Остапа разбудил крепкий толчок в плечо и окрик:

– Бендер! Ты работать устроился или дрыхнуть в мэрии?

Остап вскочил и увидел перед собой совершенного незнакомого человека в поношенном красном костюме и в тапочках на голую ногу.

– Вы кто? – спросил Остап. Лицо у незнакомца исказилось гримасой недовольства, как будто он считал, что в здешних местах его знали абсолютно все, включая грудных младенцев.

– Я – Калашников! – веско произнес он и проследил за реакцией Остапа.

– А я – Остап Говоров! Будем знакомы. И не зовите меня Бендером, я не Бендер!

– Я – Калашников! – побагровел незнакомец, не ожидавший, видимо, отсутствия элементарного чинопочитания.

– Так вы тот самый Калашников? – что-то сдвинулось во взгляде Остапа. – Вы, кажется, изобрели автомат для войны?

– Вы – невежа, господин Бендер! Никакого отношения к автомату Калашникова я лично не имею. Я здесь руковожу районной библиотекой.

В каморку электрика заглянула Оксана Петровна и строго произнесла:

– Гражданин Говоров! В нашей библиотеке перегорели пробки, Николай Дмитриевич пришёл за вашей помощью. Вы собираетесь идти в библиотеку или мне оформить вам увольнительную записку?

– Ах, пробки! – воскликнул Остап. – Так бы и сказали! А то разорался здесь: я – Калашников, я – Калашников! – и мстительно добавил: – А автомат-то другие изобрели!

Остап мимо библиотекаря и помощницы мэра протиснулся к выходу. Уже вне мэрии он дождался заведующего здешним пунктом просвещения и произнес в пространство:

– Ну и где здесь собраны ваши сокровища? Далеко ли расположены фолианты древних рукописей от главного здания города?

От таких слов из уст молодого парня Николай Дмитриевич Калашников даже пошатнулся. С виду он даже слегка потускнел.

– Да нет там никаких рукописей! – произнес он извиняющимся тоном. – Просто меня никто не учил менять электрические пробки. И несколько дней желающие вечером не могут насладиться чтением того небольшого количества литературы, которую отписали нам из области. Так! Мура всякая!

Они быстро дошли до библиотеки, расположенной всего в полусотне метров от места основной дислокации Остапа. Захвативший с собой новые пробки, Остап вкрутил их на место старых, подёрнутых зелёной плесенью, дом просвещения осветился, и на радостях Калашников предложил выпить за великую русскую литературу. Но Остап, помня о судьбе предыдущих электриков городка, резво отказался и, простившись, пошёл вечерять к Пелагее. Первый рабочий день прошёл как будто удачно.

* * *

Гудение машин не умолкало ни на секунду. «Неужели и ночью здесь так? – подумал Остап, спускаясь к дому Пелагеи. – Сегодня я спал с дороги крепко, ничего не слышал, а к утру – как пчелиный улей!»

Деда Ивана у дома не было, собаки тоже. Пелагея одна сидела на улице под окном и чистила огромные картофелины. Она с любопытством взглянула на постояльца и спросила:

– Я вижу, что тебе, Бендер, вроде у нас как бы понравилось? Или ошибаюсь? Машка Фунтикова передала мне, что ты на работе отличился, все задания выполнил. Хвалю!

Остап немного стушевался от похвалы, присел напротив:

– Слушай, бабуль! А где ты такую картошку достала? Ведь двумя руками не обхватить!

– Из погреба, откуда же ещё? Нонешний урожай картофеля ещё не созрел. А то, что крупная картошка у нас – так это дед мой придумал в прошлом году. Он ведь не подумай, что старый и дурной, когда-то здесь председательствовал, деревня при нём была знатная, образцовая. На ВДНХ возил он экспонаты выставлять, выращенные на этих полях. Там я с ним и познакомилась. Влюбилась по самые уши! Иван тогда шустрый был, сразу мне ребёночка подарил в гостинице – короче, обрюхатил – и удрал в свою деревню. Не знал, с кем связался, мне найти его было нетрудно. Сынок наш Федя сейчас в Африке, в какой-то стране при посольстве работает, через два-три года прилетает проведать. И каждый раз с новой негритоской – весь в папу кобель оказался. Хорошо хоть, черных внучат ещё не привозит.

– Ну и как дед Иван такую картошку вырастил? – нетерпеливо уточнил Остап.

– Да откуда мне знать-то? У него свои секреты, у меня – свои. Что-то он там на огороде сыпал перед посадкой, какое-то зелье, что Федя последний раз ему привёз со своих африканских югов, и урожай дюже хороший получился! Сначала одна картофелина в ведро не влезала, а на следующий год я Ваню попросила, и он по-другому что-то сделал, а то чистить неудобно и слишком надолго одной хватало – на неделю. Теперь-то, смотри, три штуки всего берёшь и на обед, и на ужин, да и Жучке хватает.

Вдруг Пелагея забеспокоилась:

– А чтой-то у тебя с рукой, Бендер?

– С какой рукой? – испугался Остап. Он осмотрел обе руки и, действительно, на левой руке ниже мизинца обнаружил небольшую ранку с запекшейся кровью. – Так это, наверное, проводом в мэрии поцарапался. Пройдёт!

– Нет, дружок! – твёрдо сказала Пелагея. – У нас это может и не пройти. Говорю тебе, мы здесь все заколдованные, ничего нас не берет в нашем Егорьевске. А чужаков город не любит. Так что обязательно полечить надо, не то загноится.

Она дочистила третью картофелину, помыла под умывальником руки и подошла к сидящему на прежнем месте Остапу.

– Давай руку!

Остап недоуменно взглянул на неё:

– Зачем?

– Лечить буду. Давай, давай, не бойсь!

Остап недоверчиво протянул ей левую руку. Пелагея внимательно осмотрела царапину, слегка помассировала руку, затем отпустила со словами:

– До свадьбы заживёт!

Остап с любопытством проверил ранку, но ничего не обнаружил, она исчезла.

– Ну, ты, бабуль, даёшь! – восхитился он. – Как это тебе удалось?

– Да ладно, пустое! – отмахнулась Пелагея, забирая со стола кастрюлю с чищеной картошкой и направляясь в дом. – Семечки это, а настоящее тебе только предстоит увидеть.

Остап задумчиво прошёл на огороженный участок за домом. Растения, которые он увидел, потрясли его не хуже гигантских картофелин. И огурцы здесь росли и помидоры, и даже арбузы. На одной единственной яблоне висело несколько десятков таких крупных яблок, каких ни в одном московском магазине Остап не встречал. Он не так удивился тому, что в этих краях вырастили арбузы, как их размеру. Для сравнения он сел на травку рядом с ближайшим плодом и оказался ниже его.

– Охренеть! – не удержался Остап от восхищённого возгласа.

Вернувшись к дому, он застал утреннюю картину: дед Иван и хозяйская псина лежали рядом с открытым пластиковым пузырём и дремали.

Поужинав с Пелагеей, Остап в своём углу с удовольствием тоже задремал, хотя времени ещё и восьми часов вечера не было. Но спать хотелось дико, наверное, с чистого деревенского воздуха и от чувства хорошо выполненной работы.

* * *

Придя утром на работу, Остап первым делом зашёл в кабинет помощницы мэра. Ему нужно было кое-что уяснить.

– Оксана Петровна! – спросил он с порога. – Разрешите обратиться?

– Разумеется, Остап Иванович! – вежливо ответила Петровна, направив на него свой пронзительно-изучающий четырёхглазый взгляд.

Остап всегда считал людей, пользующихся очками, четырёхглазыми, частенько говорил им об этом в лицо, хотя не всем это нравилось. Были, правда, и такие, кто на подобное обращение хохотал до упаду, но обиду затаивал.

– У меня возникло несколько вопросов за первый рабочий день. Вначале хочу уточнить, кто мой непосредственный начальник?

– Все задания будете получать через меня, – твёрдо заявила хозяйка кабинета.

– Ещё такой вопрос: вы с мэром люди приезжие или коренные, местные?

Оксана Петровна поднялась из-за стола, сдвинув ворох канцелярских бумаг в сторону, подошла к окну и, глядя куда-то вдаль, задумчиво проговорила:

– Мне ваш вопрос, Остап Иванович, очень понятен. Ответ на него простой: мы – здешние, родом с деревни Егорьевки, затем ставшей поселком Егорьевским, затем городом. Но, конечно, отличие егорьевчан от пришлых людей сразу бросается в глаза, – она поправила свои линзы, – причём мы понимаем, в чём наше отличие. А другим этого не дано понять.

Пелагея меня сегодня предупредила, что вы захотите всё узнать, но местные тайны не выдаются! Может, кто-то и откроется по доброте душевной, но таких у нас очень мало.

Остап удивился:

– Когда это Пелагея с вами могла сегодня переговорить? Она же всё время дома сидит, а я сразу в мэрию помчался!

– Не удивляйтесь! – улыбнулась одними глазами Петровна. – Вам ещё многое придётся не по душе, но, поверьте, жить здесь можно, даже среди таких, как Пелагея. Кстати, она не одна у нас в Егорьевске такая. Её способностями владеет, как минимум, каждая вторая женщина. а уж в её-то возрасте..!

Остап перестал удивляться ещё после вчерашнего вечера. Он только уточнил:

– А сколько же Пелагее годков стукнуло?

– Что вы? – в глазах Петровны промелькнуло странное выражение. – Кто же это может знать? И ей это вряд ли известно...

После этих слов Оксана Петровна будто поняла, что сказала немного лишнее, решительно села к столу и склонилась над своими отчётами:

– Идите, дорогой, идите! Сегодня у вас ремонт внутридворового освещения вокруг здания мэрии.

С тем Остап и поплёлся в свою конуру – весь озабоченный странными загадками. «Подожди, – подумал он, – найду у кого справки навести!».

С фонарными столбами он разобрался быстро, к тому же сразу в своей коптёрке нашёл когти для лазания на верхотуру. Пришлось, конечно, повозиться, но, когда от выключателя ярко вспыхнули все четыре фонаря, Остап почему-то обрадовался. Так он не радовался даже при удачном побеге из СИЗО под Москвой. И даже при бесконечно лёгкой краже в тот же день кем-то брошенного у магазина велосипеда. Ему показалось, что само по себе работать не так уж и плохо. К тому же знаешь, что тебя накормят, положат спать, оденут. Если бы ещё не странность местных жителей с ихними тайнами, да не удивительные загадки на каждом шагу заколдованного города...

«Заколдованного?.. – подумал Остап. – А ведь я сам называл его заколдованным! За кем-то повторил...». И он стал вспоминать, кто первый произнёс это слово совсем недавно. Но не вспомнил и решил пройти на пруд, посмотреть, что там нового. К сожалению, до пруда он не добрался, а встреченный вчерашний парень-рыболов очень удивился:

– Это какой пруд ты, Бендер, ищешь? У нас в городе пруда никогда не было! Если только в Маслово тебе съездить на своем трандулете, но ты же его ещё не починил?

«Ну, конечно, – подумал Остап, – откуда здесь быть пруду? Они же все меня за дурака держат!». А вслух он спросил:

– А ты, часом, не знаешь, кто может мой велик привести в порядок? Там инструмент только нужен, а у меня ничего нет.

– Да без вопросов у матросов! – ответил парень. – Тащи ко мне, во-он дом на краю видишь? С белой трубой и дисковой антенной? Вот туда часам к восьми вечера...

И пока Остап рассматривал трубу и антенну рядом с трубой, парень исчез, как будто его и не было...

* * *

Перекусив в обед дома у Пелагеи, Остап перед уходом в мэрию спросил осторожно:

– Бабуль! А правда говорят, что ты выглядишь значительно моложе, чем по своим годам? Вот я тебе больше, чем семьдесят лет ни за что бы не дал!

– Ладно тебе, Бендер! – сразу отозвалась Пелагея от плиты, где готовила какую-то похлебку. – Ну, кто же у женщины о возрасте спрашивает? Молодой ты ещё, потому не понимаешь и интересуешься. Какая тебе разница? Ты что, жениться на мне собрался? – видя, что

Остап отчаянно замахал руками, она добавила: – Вот видишь? К тому же у меня законный супруг имеется.

– Тогда скажи, сколько лет твоему законному стукнуло? – не отставал Остап.

Сначала Пелагея задумалась, но всё-таки ответила:

– Тоже трудно сказать. Он ведь здешний, у них – в Егорьевске – много таких чудных – и на пятьдесят лет тянут на взгляд, а то и на все сто. А на самом деле... Точно могу сказать только одно: при мне Ванька помирал всего три раза.

– Как помирал? – всё-таки удивился Остап, хотя дал себе зарок в этих местах больше ничему не удивляться.

– Обычно. Как все умирают: в гроб его клала с соседками, отпевали вместе, а к утру смерть уходила, видно, боится она его.

– Да что ты, бабуль, мне сказки рассказываешь? Как это может быть, чтобы смерть уходила? Помер человек и помер! А Иван что делал, если помер? В гробу полежал, а утром на работу побежал? Или в огород картошку сажать? А может, смерть самогона боится и Ивана не берёт? Что же это за город такой – ни от кого правды не добьёшься!

Остап махнул рукой и пошёл на работу. Подойдя к мэрии, он увидел двери закрытыми, а на видном месте висел листок, отпечатанный с помощью компьютера:

«Остап Иванович! Мы с Георгием Васильевичем уехали в область к губернатору. Ключ лежит слева под кирпичом. Проверите освещение по всем кабинетам, затем загляните на чердак – там бывший мэр когда-то устроил себе комнату отдыха, необходимо всё там отключить, провода обрезать». Подписи не было.

Остап достал ключ, пошёл заниматься делом. Кабинеты были открыты, в туалете он тоже всё проверил. Приставная лестница привела его через тонкую дверь в запущенное помещение под самой крышей, здесь было сумрачно из-за малой площади оконного проёма. Но электрический светильник был исправен и пришлось всё демонтировать, а концы обрезанных проводов изолировать.

После проделанного Остап посидел немного у своего стола. Он всё время удивлялся тому, что в мэрии ни разу не звонил телефон, хотя в обоих кабинетах он присутствовал: и у мэра, и у Оксаны Петровны. Остап даже проверил один – в трубке слышался длинный гудок станции.

Он вышел на улицу и сел около входной двери, облучаемый летним солнышком. Остап никогда не приучался к куреву, а без него время тянулось обычно очень медленно.

С проспекта Калинина свернул к одинокому зданию мэрии высокий мужик во фронтальном кителе и брюках с лампасами. Остап вскочил, вытянулся и отрапортовал:

– Здравия желаю, товарищ генерал! За время вашего отсутствия мэр поехал к губернатору!

Мужик внимательно поглядел на Остапа, потом на свою одежду, сказал:

– Да не генерал я, всего лишь пастух! Одежду по случаю купил, досталась очень дешево, зато коровы меня в ней здорово слушаются, – он обратил внимание на открытую дверь. – Откуда знаешь, что мэр к губернатору подался?

Остап с достоинством ответил:

– Так здесь на двери записка имеется! – и он закрыл дверь. Записки не было.

– Ну-ну! – не удивился генерал-пастух, сплюнув на обочину тротуара. – А на чём же он поехал-то? Его машина в гараже ремонтируется, сейчас сам её видел...

– Не могу знать! – растерялся Остап. И записка пропала, и мэр пропал, и Оксана Петровна пропала! Что за дела!?

Пастух потоптался у порога с минуту и ушёл обратно на проспект, в самую гущу мчащихся машин.

«Сделал дело – гуляй смело!» – подумал Остап и повернулся запереть дверь. Вставляя ключ в замочную скважину, он обратил внимание, что записка оказалась на месте. После основного текста ниже на три интервала оказалась допечатка:

«Ключ оставьте, где взяли. Вот телефон трогать не надо было!»

Остап поозирался вокруг, но ближе полусотни метров кроме кучки гусей никого не было. Он пошёл к Пелагее готовить остатки велосипеда к ремонту. Пройдя часть пути, Остап совершенно непроизвольно оглянулся. На зрение он никогда не жаловался, но готов был поклясться, что закрытая дверь мэрии была девственно чиста – записка опять пропала...

У дома его поджидал дед Иван, как всегда небритый и разящий самогоном. На лавке рядом с ним стояла полная мутной жидкости полторашка.

– Ну что, Бендер? Выпьем за хорошую погоду?

– С удовольствием бы с вами выпил, дедуль, – проникновенно сказал Остап, – но я совсем непьющий. Да и к тому же мне велосипед в ремонт нужно отнести.

– А! Колька согласился починить твою технику? – спросил дед Иван неприязненно. – Зря ты самогонкой нашей брезгуешь! Она же целебная! От неё все болячки вмиг отлетают...

– Спасибо большое! – заторопился Остап. – Сейчас у меня и болячек-то нет.

– Будут! – сурово провозгласил дед и отвинтил пробку. Тут же из открытой двери дома к нему подбежала любимая псина-собутельница.

Собрав остатки от велосипеда и связав их найденной во дворе верёвкой, Остап не спеша пошёл искать дом с белой трубой и дисковой антенной.

* * *

Остап ещё ни разу не перебежал в Егорьевске проспект Калинина. Нужды такой пока не было, так как все объекты, которые он посещал, находились в восточной стороне городка. Проспект, как всегда, шумел непрерывным потоком машин, Остап боязливо поглядывал на это со стороны и радовался, что работу ему нашли рядом с местом проживания. Потихоньку дошёл он и до дома весёлого Николая. Дом был ладный: двухэтажный, с пристройкой и приусадебным участком. Приподняв щеколду, Остап прошёл по дорожке к дому и остановился, не зная, что предпринять, так как на входной двери висел амбарный замок.

Замок сегодня уже встречался Остапу и не помешал работе, поэтому Остап пригляделся получше, нет ли записки про ключ под кирпичом или ещё в каком-нибудь неожиданном месте. Во дворе наблюдалась стерильная чистота, не как у Пелагеи. Никаких тебе бумажек в виде старых этикеток с бутылок и полторашек, никаких собак, никаких мисок для кормёжки домашних животных. Похоже, что здесь за порядком следят исправно. Но где же хозяин, ведь условились на восемь вечера? Остап прошёл за дом поглядеть, нет ли Николая в саду-огороде. Опрятный участок вновь порадовал чистотой, ровными грядками, ухоженными растениями. Несколько удивило Остапа наличие десятка культурно возделанных кустов крупного красного винограда. Не ожидал он встретить южный сорт виноградной лозы, предназначенный, видимо, для изготовления хорошего красного вина. «Недурственно было бы попробовать...» – подумал Остап. И сразу сзади раздался знакомый голос:

– Извини, что задержался! – Николай появился весь замазанный какой-то глиной, руки были по локоть в чём-то липком, наперевес он держал совковую лопату. – Обязательно угощу вином, оно у меня особенное!

Остап понял, что хозяин такой же экстрасенс, что и Пелагея, но хотя бы не скрывает этого.

– А зачем скрывать? – удивился такой мысли Николай. – Мы здесь все народ открытый. Пелагея-то приезжая, как и ты, поэтому у неё не всё как у людей. А нам скрывать нечего. Сказать ничего плохого, правда, про Скороваровых я не хочу, сам-то он прекрасно когда-то с деревней управлялся. Котяра, правда, рассказывали, был хороший, но как Пелагея его здесь отыскала, так сразу и исправился, перестал блудить. Пойдём в дом, заодно занесёшь

в мастерскую велик, я им позже займусь – сегодня сильно устал. Работа у меня не постоянно бывает, то много её, то совсем нет. Денёк выдался трудный. Два дня ничего не было, а сегодня пришлось троих закопать.

– Это как? Ты кем работаешь? Если не секрет, конечно...

– Да какой секрет, нет никакого секрета: работник кладбища я, от мэрии тружусь, в ней и бабки получаю – по тридцать баксов за каждого жмурика! На жизнь хватает. Бывает ещё всякая подработка: кому машину починить или трактор, бытовую технику, вроде телевизора, компьютера.

– Значит, ты похоронил троих?

– Ну, это как назвать! Одного-то точно похоронили его родственники: из Москвы привезли и похоронили на родине, здешний он, а в столицу на заработки отправился когда-то. Там какой-то химии наглотался в исследовательской лаборатории и помер. А ещё двоих так просто пришлось закопать. У меня денег нет им пышные похороны устраивать.

– А откуда они взялись – эти мертвяки? – любопытствовал Остап.

– Да черт их знает! – откликнулся Николай, отмывая руки в тазе с тёплой водой. – Обычно на окраине города порой появляются всякие. Когда власти наши обращаются в областную администрацию с просьбой забрать, установить причину смерти, расследовать обстоятельства, завести уголовное дело, то никто там и пальцем не шевелит. У вас, говорят, случилось, сами и расследуйте, у вас там такие вещи творятся, что лишнего жмурика похоронить будет не проблема. Ну, зарываю их и крест ставлю за счёт заведения...

– Какого заведения?

– Ну, мэрии, какого же ещё? Так, хватит о пустом, делом давай займёмся. Сейчас вина принесу – попробуешь, и проверим технику твою.

Николай полез в погреб, расположенный в доме. Из погреба повеяло холодом, как из рефрижератора. Остап помог Николаю, забрав бутыль из рук и поставив её на стол. Закрыв крышку погреба и накрыв её, как и была, толстым куском ватного одеяла, хозяин достал из серванта два больших бокала и, откупорив бутыль, разлил по полной.

– Я столько не буду! – испугался Остап. – Только попробую!

– Да не бойся! Бендер, я ведь тогда пошутил – про утопленника. На самом деле тот электрик элементарно повесился, что-то с головой у него не так было. Сам посуди: разве у нормального электрика ток наоборот по проводам мог идти?

– Как это? – уточнил Остап.

– А так! Да ты пей, это урожай позапрошлого года, самый мой удавшийся. Всей деревней, то бишь городом, пьём, а оно не кончается. И нацедил всего двадцать литров, а не кончается и всё! Вроде три-четыре бутылки выпьем с приятелями, а наутро они опять полные – чудеса, да и только! Тот электрик – его кликуха была Миклухо-Маклай – приехал к нам на попутке и остался, потому что его водитель забыл, а, скорее, не захотел забирать дальше и оставил специально. Трудно сказать! Одно я знаю точно: они заглянули в наше кафе, выпили по банке американского пива, и Миклуха отошёл в туалет всего на пару минут. А водитель сразу – только туалетная дверь затворилась – как рванул из кафе, рысью добрался до дохленькой копейки и сразу ударил по газам! Миклуха вышел – никого нет! Он у всех стал справки наводить, а никто и внимания не обратил на эту парочку, все смолчали. А я тоже промолчал – ведь всё равно человек уехал, чего говорить-то? К тому же понятно было, что парень клёвый, в электричестве разбирается. А у нас кризис с электриками! Так и остался у нас работать. Но ток у него как-то странно шёл от лампочки к источнику. И город никогда не платил за использованную электроэнергию. Здесь всякие комиссии приезжали, скандалы закатывали. Как Миклуха повесился – так всё снова наладилось...

– Врёшь ты опять? – с надеждой спросил Остап.

– Обижает, Бендер! Зачем мне это? – Николай вылил остатки вина в бокалы и споро отнес бутылку в погреб, видимо, для её самонаполнения.

После этого они стали рассматривать велосипед. В голове у Остапа появился пьянящий угар, и он заявил, что пойдет домой. Николай не возражал, проводил его до забора, а на прощанье сказал:

– Ты, Бендер, не переживай: всё почию! И всё с тобой будет нормально, ты этому деду Ивану не верь. Он у нас большой болтун, у него вся сила на Пелагею когда-то ушла, и он угрожает просто так, знает, что ничего не будет. Пугает просто!

– А что? Он меня пугал? – Остап ничего такого не помнил.

– А-а! Ты даже не заметил? Ну и хорошо, иди спокойно домой...

Через полчаса Остап уже спал в своём углу, нагретом до него Жучкой.

* * *

Наутро Остапу пришлось подняться раньше обычного. Разбудил его какой-то шум в прихожей. Он слышал из спальни басовитый храп деда Ивана и лёгкое посвистывание Пелагеи, что указывало на присутствие хозяина и хозяйки в доме. Псина, полюбившая местечко рядом с Остапом, напротив, отсутствовала. Шум со стороны входной двери продолжался, как будто её пытался взломать своим плечом могучий богатырь из старинных русских сказок.

За окнами было уже давно светло. Остап поглядел в обе стороны, ничего подозрительного на улице не заметил. Прямо перед домом в полусотни метров резво проскакивали по проспекту Калинина легковые и грузовые автомашины, создавая характерный для автотрассы звук. Поскольку во входную дверь по-прежнему бухали чем-то тяжёлым, Остап, даже не заглянув в прихожую, пошёл в спальню и разбудил лежащую с краю широкой семейной постели Пелагею. Она перестала посвистывать. Открыла глаза и сразу насторожилась, прислушиваясь.

– Опять злыдень по нашу душу?! – полувопросительно проговорила она загадочную фразу, отстранила Остапа и поднялась с постели. В рубашке для своих неизвестно каких преклонных лет тело Пелагеи выглядело даже очень прилично. Она покосилась на глядевшего на неё Остапа и сказала:

– Иди, приляг на своё место, а то ослепнешь! – пошла из комнаты, прихватив стоящий в углу под иконами большой топор.

«Странно, – непроизвольно подумал Остап, потупясь, – здесь в дверь ломятся, а она пошла дрова рубить!». Он вышел вслед, но ложиться не стал, присел прямо в трусах и майке на босу ногу к столу, наблюдая одновременно за хозяйкой и за окнами.

Пелагея отворила внутреннюю дверь в прихожую, вышла и стала кому-то, находящемуся вне дома, громко выговаривать:

– Что ты опять припёрся? Я же тебе русским языком сказала: оставь ты нас в покое! Ни Ванька, ни я в твоей смерти не повинны! Ищи виноватых в другом месте, а нас не тронь.

Остапу показалось, что Пелагее кто-то ответил на тарбарском языке и во входную дверь опять кто-то долбанулся.

– Да мало ли, что я умею! – повысила голос Пелагея. – Поди прочь! Я не могу определить того, кто приложил свою руку в этом кровавом деле! Иди, иди с миром!

Атака на дверь прекратилась, и Остапу даже шум с дороги показался слабым, чуть заметным. Он стал собираться на работу. Уже во время завтрака Остап попытался что-нибудь прояснить по поводу раннего происшествия, но хозяйка наотрез отказалась от комментариев:

– Это наши деревенские дела, тебе до них никакого дела нет! И вообще, предупреждаю тебя: старайся поменьше вникать в нашу чертовщину, здоровее будешь!

С этим Остап и двинулся поближе к рабочему месту. Надо отметить, что ничего сверхъестественного у дома он не заметил, даже следов на двери не осталось! Собаки не было и снаружи, только два петуха клевали напротив угла дома какие-то красные сгустки, да сразу за Остапом из дверного проёма показался проспавшийся дед Иван. Он как-то странно посмотрел на уходящего жильца и неожиданно встал на руки, качнулся туда-сюда и вернулся в первоначальную позу. Непохоже было, что накануне он был пьян от зари до зари, Остап заинтересованно наблюдал, притормозив у калитки. Дед моложавой походкой подошёл к нему и спросил:

– Не ожидал?

– Не ожидал... – подтвердил Остап. – И часто ты, дедуль, так делаешь? Это что? Гимнастика такая? После глубокой попойки...

– Да, что-то в этом роде. Несколько дней оттягивался на самогоне, теперь пришёл в норму. Мы с тобой ещё в нарды сыграем вечерком. Ты же в нарды здорово научился играть под Москвой, я знаю.

– Откуда? Я же никому не рассказывал...

– Нам, Бендер, рассказывать не надо. Мы и так всё знаем. – Дед Иван потянулся, разминая плечи и продолжил: – Колян починил твою технику, всю ночь мучался – детали выправлял. Скоро попробуешь смыться отсюда, но у Пелагеи такой номер не пройдёт! Ещё никому не удавалось её провести.

Остап больше не стал слушать деда и направился к мэрии. Через пять минут он уже получал задание от Ольги Петровны. На сей раз она поручила ему навестить некую Феодору Трофимовну Лошакову, которая когда-то обратилась с жалобой на перебои с электричеством в то время, когда она занимается самогонованием. Не споря, Остап направился по указанному адресу. Это было совсем недалеко – дом Лошаковой находился наверху у самого проспекта и отличался от остальных домов довольно запущенным состоянием: чувствовалось, что здесь жила очень пожилая дама, которая уже не в состоянии была поддерживать элементарный порядок. Остапа предупредили, что Феодора довольно своеобразна и может отколоть какой-нибудь фортель, поэтому удивляться не советовали, а тем более возмущаться.

«А я уже, кажется, разучился это делать – удивляться!» – подумал на ходу Остап, приближаясь к указанному дому.

Он прошел по дорожке и вежливо постучал в деревянную дверь.

– Входи, косарик! – раздался глуховатый голос из-за двери, и Остап вошёл. Было довольно темно в горячем паровом тумане, будто здесь располагалась парная. Но на самом деле здесь располагался какой-то иноземный перегонный аппарат, весь на электронике и тихо мурлыкающий знакомую мелодию из кинофильма «Мимино». Видимо, так был запрограммирован. Тускло перемаргивались светодиодные лампочки. Всё располагалось на столе, причём с одной стороны под медным краником находилась почти полная кастрюля с пахучей жидкостью. Из краника продолжала литься светлая струйка.

– Прольётся! – не удержался Остап.

– Чего в чужом доме орёшь? – неожиданно гаркнула Феодора, внезапно появляясь среди винных паров. Она мельком взглянула на аппарат, и струйка сразу исчезла.

Гость не выдержал и полностью раскрыл для проветривания дверь:

– Вы здесь с ума можете сойти, разве так можно себя изнурять? – Остап говорил враждебным тоном, чтобы не вызвать следующее недовольство старухи. Пахучие пары ринулись на улицу, освобождая помещение. Огоньки светодиодов померкли.

Феодора оказалась невысокого роста, в джинсовой рубаше и красных шортах. Почему-то этот наряд ей здорово подходил и даже молодил лет на двадцать. Она стояла у прекратившего работу перегонного аппарата и удивлённо взирала на пришельца. Такое было впечат-

ление, что у Феодоры слов не осталось для приличных оскорблений, а непривычные вылетели из головы.

– Что-то не так? – догадался уточнить Остап. – Что вы молчите?

– Конечно, не так! – очнулась хозяйка от ступора. – Не видишь, что ли: вновь свет вырубился! Так мне эту закваску до утра гнать придётся...

То, что она перестала гневаться на Остапа, его сильно ободрило и со словами: «Погодите, погодите! Попробуем наладить!» – он занялся делом. Как всегда, поначалу он вывернул пробки и, с помощью найденного ранее в коптёрке небольшого тестера, обнаружил повреждение в путанице проводов на выходе из счётчика. А дальше всё было просто, и когда пробки очутились на месте, послышалась песня на грузинском языке и опять замигали светодиодки. Всё это время Феодора, присевшая на низенькую табуреточку, следила за гостем, время от времени бросая нетерпеливые взгляды на иностранное чудо, оставшееся без электроэнергии. С первыми аккордами мелодии и словами Вахтанга Кикабидзе струйка чистейшего напитка брызнула в вновь подставленную пустую кастрюльку. По Феодоре было видно, что жизнь начала налаживаться. В глазах у неё появился блеск, и она с благодарностью стала уставлять гостевой столик угощениями для Остапа.

– Никогда не думала, что моя проблема там! – кивнула она на счётчик. – Я, старая дура, считала, что виноват мой Вуду – фирма такая, – она показала на заработавший аппарат.

– А что вы теперь делаете? – спросил Остап.

– Как что? – удивилась Феодора. – Покормлю тебя сейчас. Что же ты, к Пелагеи обедать побежишь?

Сначала Остап хотел отказаться, но потом передумал. Перед началось трапезы хозяйка заставила его глотнуть нового зелья, которое она при нем зачерпнула из предыдущей кастрюли.

– Все болячки проходят сразу! – повторила она слова деда Ивана.

Он глотнул, потом ещё раз глотнул, раскушал и затем уже не уступал хозяйке. Они пили, ели и распевали песни советских композиторов. Песен Ньюши, Лепса, «Виагры» и даже Киркорова Феодора не знала, и они обошли их в этот обед. Однако, Остап обещал при случае познакомить Феодору с мелодиями названных авторов. За что она позволила подремать ему на кушеточке непосредственно рядом с перегонным аппаратом.

– Ты, косарик, поспи! Устал поди от моей сыроежки, с ней ещё работать и работать, чтобы в товар превратилась! Поспи, поспи, я Оксанку предупрежу...

С тем Остап и уснул, вдыхая уже знакомые пары и видя самые разнообразные цветные сны на новом месте.

* * * * *

Следующим утром в мэрии, как всегда, было тихо. Похоже, что мэрию народ не жаловал. Вот где те 3500 человек, что населяют город? Почему никто из них, как в порядочном городе, не приходит жаловаться по пустякам, например, по поводу затянувшегося строительства очистных сооружений и устройства персональных санузлов в каждом отдельно стоящем доме, по поводу исчезнувшего пруда, по поводу засилия колдунов и экстрасенсов, по поводу обнаглевшей проститутки Варвары, не подпускающей к трассе других кандидатов на древнюю профессию. Ну, хотя бы один горожанин в коридоре примелькался...

Остап открыл свою коптёрку, включил свет для более детального изучения её содержимого – узенькое оконце было похоже на бойницу в старинных замках и света пропускало мало. Осмотр оказался быстрым, ничего значительного здесь не наблюдалось и, в итоге, не нашлось, а незначительного по углам, по полкам и на столе было много, так и просилось в металлолом.

Остап вздохнул и пошёл искать Оксану Петровну. Та сидела у себя и печатала на клавиатуре, изредка порхая взглядом на экран компьютера. Она оторвалась от своего занятия и сурово посмотрела на Остапа, затем её взгляд немного смягчился:

– Остап Иванович! – промурлыкала она. – Объявляю вам устную благодарность за удачную работу! Даже этот старый Евсеич, сорок лет протиравший яйца на месте электрика, так быстро ничего не делал. Если вы будете и дальше так стараться, то Пелагея отпустит вас значительно раньше обусловленного срока. Кстати, вы знаете, что велосипед починили?

– Догадываюсь, – осторожно сказал Остап, – специалисту там особо делать нечего!

Оксана Петровна проверила, достаточно ли листов в принтере, и, приготовившись продолжать свою писанину, попросила:

– Не сочтите за труд добраться до сестер Какашкиных, живущих по ту сторону проспекта, дом сорок второй. Они меня донимают уже третью неделю из-за света в прихожей и на столбе перед домом.

Поскольку на этом её речь была прервана пощёлкиванием клавиш, Остап понял, что аудиенция закончена и задание получено. Он повернулся и пошёл к выходу. Вдогонку помощница мэра крикнула:

– С сегодняшнего дня переходим на другой уровень общения: можете звать меня просто Оксаной!

«Вот и награда добавилась к похвале!» – подумал Остап, плотно прикрывая дверь.

Он набрал полную сумку всяческих инструментов и материалов, взял её за лямку на плечо и, не оглядываясь, пошёл искать сорок второй дом. Но самое главное здесь, как Остап представлял, это перескочить проспект. Когда он на велосипеде добирался до столь отдалённых краёв от столицы, на трассе М-5 было обычное оживление, как будто люди собрались на свои дачные участки поотдыхать, винца попить, рыбку половить, грибов поискать – день-то был субботний! Но добравшись до Егорьевска, Остап обнаружил, что в этом месте движение мало того, что резко ускорилось, здесь количество транспорта ни с того, ни с сего увеличилось втрое, вчетверо раз. Он потому и соскочил срочно в панике с трассы и с Пелагеей в итоге познакомился, будь она неладна! Так и сейчас, поднявшись к жужжащей дороге, пересекающей городишко, Остап тоскливо поглядел, как учили ещё в школе, сначала налево, потом направо. Но эта живая стена из автомашин определённо могла ненароком покалечить. Он остановился в нерешительности, дожидаясь идущую с другого конца города тощую старушенцию с палочкой, похожей на клюку из детской сказки.

– Ты чего ждёшь-то, молодой человек? – приблизившись, звонко и разборчиво произнесла старушка. – Через проспект хочешь?

– Хочу! – сознался Остап. – Только не знаю, как бы это сделать безопасно...

Старушенция внимательно вгляделась в него:

– Так ты не местный! – заключила она. – Придётся, Бендер, помочь тебе, раз так, – она показала клюкой в небо, на солнце, – смотри туда!

Остап посмотрел, но пришлось, конечно, прищурить глаза, зажмуриться, солнце было яркое и жаркое. Когда он глаза открыл, то обнаружил, что все машины оказались у него за спиной.

– Опаньки! – пробормотал он, ещё раз огляделся и пошёл к ближайшему дому. На его стене, прямо по белой известке, сияли угольно-чёрные цифры: 42.

«Не удивляться!» – подумал Остап в очередной раз и подошёл к крашенному штакетнику. Дверца была распахнута и тихо шевелилась на петлях, хотя ветра как будто бы не ощущалось. Остап прошёл к крыльцу и заметил на двери чёрную кнопку, под которой была приклеена медная табличка с вытравленной надписью: «Звонить три раза». Ровно посередине двери был вставлен крупный глазок, обычно применяемый в городских квартирах.

Остап покосился на шикарную клумбу под окном, на которой цвели какие-то необыкновенные для этих мест цветы, и нажал на кнопку три раза. Звонка он не услышал, поэтому нажал на кнопку снова. И тоже три раза. После четвёртой попытки Остап догадался, что Какашкины открывать не собираются: либо у них всё уже в порядке, либо они в это время спят, либо где-нибудь шляются. Он сошёл с крыльца и обошёл вокруг столба у забора. Наверху был прикреплён открытый светильник без лампочки.

«Какой же свет может быть без лампочки? – подумал Остап, посмотрел на дом и увидел на ближайшем подоконнике незамеченную ранее лампочку. – Не может быть! Я же только что там стоял перед дверью и в окно заглядывал, не было там ничего!»

Достав когти для столба, Остап вкрутил лампочку и с надеждой, что она всё-таки не загорится, попробовал находящийся внизу выключатель, – лампочка загорелась! Тогда уже уверенно он вернулся к дому и посильнее толкнул входную дверь. Разумеется, дверь сразу раскрылась. При открытой двери и при свете широких окон в прихожей Остап изучил электропроводку и, выкрутив, как всегда вначале, пробки, устранил обнаруженное при осмотре повреждение. Опробование показало, что работа в этом доме была завершена: прихожая прекрасно осветилась. Так как дверь внутри прихожей оказалась точно заперта, то Остап и её попробовал дёрнул посильнее, ему хотелось доложить хозяйкам, что всё в порядке. Однако из дома громким, хорошо поставленным женским голосом сказали:

– Совсем не обязательно взламывать дверь! Спасибо за работу, Оксане уже сообщили!

Остап подумал, что есть же такие противные люди: им помогаешь, а они, не взирая на свою вонючую фамилию, ещё и за грабителя тебя принимают. Он вышел на улицу, собрал свою сумку и пошёл по этой стороне городка.

Солнце показывало полдень, но есть ему совсем не хотелось. Последние дни настроение было какое-то странное, как будто он ожидал от судьбы изменений в лучшую для себя сторону. С одной стороны, работа доставляла ему определённое удовлетворение, он постепенно начал забывать все предыдущие неприятности своей жизни, с другой стороны, он понимал, что с законом шутки плохи, и найти его в Егорьевске, либо в другом городе не составит труда хорошим ищейкам. Надежда оставалась только на то, что его прегрешения не тянули на крупную статью Уголовного кодекса и его могли попросту включить в число пропавших без вести и искать в обычном для таких случаев порядке, а это бы значило, что шансы изменить свою жизнь, перевернуть её в лучшую сторону повысились бы.

Правда, сейчас вновь остро встал вопрос о пересечении проклятого проспекта дедушки Калинина. Остап прошёлся вдоль него; прохожих, как всегда, почему-то не было. Тогда он подошёл к трассе поближе и, пожелав пробраться через слой машин на ту сторону, посмотрел на ослепительный диск солнца, сильно зажмурив глаза, как это было при встрече с клюкастой старухой. Шум сразу изменился! Открыв глаза, Остап понял, что колдовство вновь сработало, теперь уже без постороннего вмешательства: он находился рядом с мэрией.

Зайдя в распахнутый кабинет Оксаны Петровны, Остап никого в нём не обнаружил и прошёл по коридору дальше. У Понюшкина было заперто, но догадываясь о взаимоотношениях мэра со своей помощницей, он сильно постучал, понимая, какое неудовольствие им этим доставляет. В кабинете что-то грохнуло, но даже по прошествии трёх минут он не открылся. Входная дверь слегка стукнула, и Остап увидел новое лицо во всей этой истории: в коридоре появился невзрачный паренёк в длинной – почти до пят – синей майке и в сандалиях.

– Тебе, пацан, что нужно? – на правах старшего спросил Остап.

– Ты, видать, новый электрик? – беспардонно уточнил вновь прибывший посетитель мэрии. – А эти вновь закрылись? – Он неопределенно кивнул на раскрытый кабинет и на дверь, против которой стоял Остап.

– А тебе какое дело, мальчик? – удивился такому свободному поведению Остап.

– Я не мальчик! – отрезал паренёк. – Я сын мэра и приглядываю за его поведением.

Отодвинув в сторону Остапа, он вежливо постучал в дверь и спросил:

– Надеюсь, пап, я вовремя?

Голос мера из-за двери ясно произнес:

– Пятьсот рублей! Передай привет маме!

– Замётано! – серьёзно ответил парень и, поглядев на нового электрика, добавил лично для него: – Неплохая зарплата за пять минут, правда?

Когда за ним закрылась дверь, Остап тоже вежливо постучался и спросил:

– А мне новое задание будет, Оксана Петровна?

– Нет! – ответил мэр.

«Понятно!» – подумал Остап. Станные порядки в странном городе...

Здесь дверь скрипнула, распахнулась и вышедшая помощница, поправляя причёску, произнесла в пространство:

– Обычные порядки, ничего особенного... Кстати, можете сходить за своим велосипедом.

Велосипед ждал Остапа во дворе весёлого Кольки, но дом был закрыт. К седлу была приклеена промасленная бумажка с надписью: «Сделал бесплатно! Никогда не беру денег. К тому же у тебя, Бендер, их нет!» Взгромоздясь на починенный двухколёсный шедевр отечественной техники, Остап, медленно поехал в сторону дома Пелагеи, задумавшись о том, что в самый раз надо было бы отсюда очень быстро слинять, пока цел. Однако угрозы сбитой им женщины запали в душу, и он не решился удрать без спросу. К тому же Остап надеялся, что Пелагея действительно своими способностями может повлиять на его дальнейшую судьбу.

Когда он подъехал, Пелагея стояла у калитки и мило улыбалась:

– Правильное решение принял, Бендер, очень даже разумное решение. Кто же тебе теперь кроме меня поможет? Заходи и отдыхай...

Остап прислонил велосипед к ограде, сел на крылечко и задумался. Пелагея полюбовалась им какое-то время и зашла внутрь дома. А из дома вышла неразлучная парочка: дед Иван и Жучка. Иван сразу спросил:

– Нормально велик ездит?

– Нормально, – односложно ответил Остап, продолжая размышлять о своей сложной неудавшейся жизни.

– Да нормальная у тебя жизнь, не горюй! – сказал дед Иван, присаживаясь рядом и раскуривая толстую самокрутку. От повеявшего на него запаха Остапу захотелось закусить. Жучка примостилась рядом, дед начал философствовать:

– У других жизнь намного хуже бывает. Я в свой век таких людей повидал, что тебе позавидовать можно...

– Послушай, дедуль! – перебил Ивана Остап. – Вот скажи мне, ради бога, почему мне в вашем городе ни одна кошка не встретилась? Да и собак, кроме Жучки на вашем дворе, я больше нигде не видел.

– Какие здесь кошки и собаки? – удивился вопросу дед Иван. – Вокруг сплошное колдовство, шагу ступить негде! Животные этого страсть как не любят, особенно – кошки. О Жучке разговор особый, даже затевать его не стану – со страху помереть можно! Так, прижилась вот, время много прошло. Ты не смотри, что она на вид шустрая, я бы в её годы еле хвост волочил...

Остап уже всякого здесь навидался и наслушался, поэтому особенно и не удивился. Ну, колдовство и колдовство! Дворняжка – долгожитель? Ерунда! Через трассу, вон, одним жела-

нием перемахиваем, что же тут удивляться? Он обратил внимание, что Жучка пристально уставилась на деда, как будто хотела предупредить, чтобы не болтал лишнего.

– Что ты, дедуль, такое куришь? – перевёл он разговор на другую тему. – Дым какой-то голубой и запах приятный появился. А самогон сегодня не в ходу? Болячки излечил и за махру взялся?

– Да нет, – аппетитно затягиваясь, проворчал дед, – до самогона ещё доберёмся, без него мне невозможно, помру сразу. А в самокрутке – травка специальная. Мне один таджик привозит. Едет мимо по трассе и к дому пакет бросает, всегда в одно время. У меня ещё есть, будешь?

Остап отказался и, видя, как закатываются глаза у хозяина, встал и пошёл в огород. Странно, но гигантский арбуз исчез, как будто его и не было. А ведь тянул он на первый взгляд килограммов на триста.

– Продали, не ищи! – раздался голос Пелагеи сзади. – Поспел ведь, пока в соку – выкатили его на дорожку у дома, какой-то грузин и позарился. Наварит, гляди, раза в три где-нибудь у себя в Тифлисе! Еле поместился в прицеп...

Как никогда за столом оказались все четверо: Остап, хозяин с хозяйкой и хозяйская псина, застрявшая ниже стола на лавке по причине хорошего воспитания. Дед Иван опять был, как стеклышко, глаза – ясные, даже спиртным от него, как ни странно, не разило. Он к вечеру побрился и выглядел ошеломляюще молодым мужчиной, причём второе поедал, используя в правой руке нож, а в левой – вилку. Остап даже загляделся на такое чудо, но Пелагея строго высказала:

– Бендер, ты что на деда уставился? Думаешь, что в небольшом городе манеры светские не знают? Налегай на еду, отстаёшь!

– А куда мне спешить? – удивился Остап. – До конца установленного тобой месяца, бабуль, ещё далеко...

Пелагея в это время добралась до чая с вишнёвым вареньем. Она пила его из восточной красивой чашки и излучающе смотрела на постояльца.

– В городе решили, что с тебя воспитательных мер достаточно. Отпустить тебя предлагают. Естественно, на тех же условиях, что я и обещала: ты становишься другим человеком, никаких за тобой хвостов...

– Видал, Бендер! – обрадовался Иван. – Жизнь продолжается! Надеюсь, что ты рад?

Жучка пару раз с возмущением гавкнула и прыгнула с лавки: то ли ей не понравилось, что её не покормили вместе со всеми, то ли ситуация с Остапом не устроила. Подняв хвост, она устремилась на улицу в открытую дверь.

– Это означает, что я свободен? – не торопясь радоваться, спросил Остап.

– Об этом я тебе и толкую! – Пелагея стала собирать со стола. – Сейчас приедет Васька Ивашкин, он поможет тебе выбраться из Егорьевска.

– Какой Васька? Я и сам знаю дорогу из вашего города.

– Не скажи, – остановилась рядом Пелагея, – это тебе кажется, что ты знаешь. Чужак, попавший к нам, обычно остаётся навеки, ты будешь одним из исключений.

В прихожей послышались чьи-то шаги и в комнату вошёл полицейский, которого Остап встретил как-то в мэрии.

– Ну как? – широко улыбаясь, спросил он. – Визит в дружественную страну закончен?

– Да закончен, закончен! – недовольно проворчала Пелагея. – Прощай, Бендер!

– А я совсем не Бендер! – парировал Остап.

– Хорошо, Остап ты! Проваливай по – хорошему! – сверкнула глазами Пелагея, и Остап стал быстро собираться. «Как бы не передумала!» – мелькнуло в мозгу. Он сунул в рюкзачок

своё барахло и с Василием и дедом Иваном вышел на крыльцо. Вдали на небе появились мрачные чёрные тучи, ветер нёс их на город.

Василий помог погрузить велосипед в кузов грузовой «Газели», и они отъехали от дома, помахав собравшимся на крыльце Пелагее и Ивану. Жучка временно увязалась за машиной, но скоро прекратила преследование и вернулась домой. По неровной просёлочной дороге «Газель» добралась до трассы, втиснулась в плотный поток машин и весело помчалась дальше. Почти сразу начался сильный ливень. Остапу стало грустно.

– Ты чего? Не дошло что ли? – участливо спросил водитель. – Всё пройдёт, и дождь тоже! Здесь такое случается, правда, не часто.

Остап посмотрел на него недоуменно и обнаружил, что это был совсем не мент Ивашкин из Егорьевска, а какой-то другой человек в рабочей спецовке.

– Меня Дмитрием Петровичем звать, можешь просто Петровичем! Полицейский попросил тебя за зону дождя вывезти, а там как сам захочешь...

Остап поднял рюкзак на колени и стал проверять его содержимое. В боковом кармашке он нашёл паспорт на своё имя со штампом выписки из Егорьевска, а также новую трудовую книжку, где указывалось, что последний год Остап Говоров отработал электромонтёром и даже заработал благодарность. По всему выходило, что Остап действительно стал человеком!

«Газель» мчалась мимо полей и берёзовых посадок, впереди на горизонте было всего пара машин. Дождь лил всё также. Остап оглянулся: сзади тоже маячила всего две машины, а города он почему-то не разглядел.

– Послушай, друг! – спросил он. – А город уже далеко остался?

– Какой город? – удивился Дмитрий. – Километров семьдесят никаких городов не встретил. Да откуда здесь? Смотри карту... – он сунул под нос Остапу старенькую карту автодорог Московской области. – Я-то удивился, когда меня этот мент тормознул. Чистое поле и – мент на дороге! Говорит: я тебе пассажира посажу, подбросишь его, куда скажет. А вообще-то, я тебе так скажу: здешние места не совсем чистые. Как здесь еду, так душу щемит, будто нечистая сила рядышком бродит.

«Конечно! – подумал Остап. – Заколдованный город и рождён нечистой силой. Слава богу, что всё позади!» Он устроился на сидении поудобнее и потихоньку задремал, его ждала новая жизнь, в которой хотелось бы остаться человеком...

Кто они?

Тихо в лесу ранним утром. Птицы лишь по верху деревьев порхают и бормочут что-то по-своему. А между деревьями туман поднимается над проплешиной Гиблого озера. Да и не озеро это вовсе, название одно. Болото самое настоящее, топь тысячелетняя, лужа вонючая. Сколько людей здесь погибло – не сосчитать! Охотники из всех деревушек, расположенных ближе трехсот километров, знают эту лужу и тщательно обходят её, не приближаясь на половину дневного перехода.

Старики рассказывают, что не только утонуть можно в Гиблом озере. И чудеса рассказывают. Будто живет в нём урод какой-то, никто его в натуре не видел, но пустили слух, что с тремя глазами он и перепонки у него на верхних лапах болтаются. А кричит он негромко, даже птицы не пугаются. Да только зверьё к болоту почти не подходит, похоже, что боится.

Вот и сейчас. Подошёл лось к самой воде, понюхал воздух, наклонился, вздрогнул вдруг, отпрыгнул в сторону, покосился на болото, потом успокоился ненадолго, сломил губами веточку, пожевал и ушёл, встревоженный.

Захлюпало невдалеке, будто шёл кто по болоту, ноги из жижи с трудом вытягивал. Забулькала, зашипела лужа в полусотне метров от суши, образовалась в воде воронка, выглянула из неё серо-зелёная голова ненормальных размеров, сверкнула глазами и скрылась. Но ненадолго. Снова расступилось Гиблое озеро и очень осторожно, плавно явили себя свету две странные фигуры, выгнулись колесом и заиграли на воде.

Смолкли птицы. Только вода звучала под чудищами. Наверное, это был танец. И окончился он внезапно, через минуту-две. Лишь третий глаз у ближайшего к берегу существа тревожно сверкнул, да тяжкий вздох огласил окрестности и всё исчезло в воде, всё стихло. И не понятно было бы наблюдателю, что в этом вздохе больше – тоски или печали...

Профессор Зорин Николай Николаевич оказался худым стариканом невзрачного вида. Он зашёл в кабинет редактора уже в конце рабочего дня. Договаривались о встрече накануне, Лёшка позвонил мне сразу, не терпел он странных, пахивающих дешёвой сенсацией историй.

– Вован! Выручай, приходи завтра ко мне в мою забегаловку, опять появилось нечто, ну очень невероятное. Поможешь разобраться, всё равно тебе сейчас делать нечего.

И правда, времени у меня было сейчас достаточно. До конца отпуска ещё неделя, жена с Маришкой захотела побыть у своей матери под Тулой. И занимался я в основном тем, что перерабатывал десятый раз статью о китах. Но шла эта работа всё также медленно, хотелось заняться чем-то другим. Но тоже было лень, и целыми днями пролёживал я за телевизором, или просматривал по Интернету музеи мира. Лёшка Сивцов иногда привлекал меня как специалиста по фауне. Журнал, издание которого он удачно организовал, хорошо распространялся, и небольшому составу редакции удалось занять свою нишу в научно-популярных изданиях. Можно сказать, что журнал «Неизученные животные» процветал. Но Алексей никогда не брался за плохо проверенный материал, не печатал подозрительные факты. У него в характере было заложено: доверяй, но проверяй!

Мы заждались нашего старикана, хотели расходиться, так как в кабинете становилось уже темновато и не верилось, что сегодня мы услышим что-то новое, сногсшибательное. Вообще-то мы с Лёшкой историй всяких наслушались очень много. Если бы все эти выдумки Сивцов напечатал в своём журнале, то его давно бы переименовали в научно-фантастиче-

ский. Мы сидели у редакционного стола и потягивали чешское пиво «Козел», производимое в нашей стране. Иногда звонил телефон, но Лёшка его игнорировал, предпочитая пиво.

Наконец в дверь постучали и вошёл этот невысокий сморщенный дедок, не знаю, кто уж его прозвал профессором, на такое достаточно крупное научное звание по своему виду он явно не тянул.

– Я не слишком задержался? – первое, что он нашёлся сказать после приветствия. На это мы предпочли промолчать, ожидая дальнейшего. Зорин прошёлся по маленькой редакционной, не решаясь присесть без нашего приглашения, затем всё-таки плюхнулся в мягкое кресло у открытого окна и, посмотрев на нас каким-то странным взглядом, начал свой монолог:

– В вашем возрасте я тоже не всем доверял, всякое повидал в своей богатой и буйной жизни. И о чём хочу сейчас вам поведать, никому до этого ни слова не говорил... сами поймёте почему. Родился я, конечно, очень давно, и вам некоторые мои выражения будут не понятны, особенно из тех давних лет, когда я с друзьями ходил на охоту по сибирской тайге. Места и сейчас там нелюдные, а в те годы на одного человека приходилось несколько тысяч квадратных километров. Однажды, от знакомых моего отчима я услышал красивую легенду, под стать тем глухим местам: будто бы где-то в тайге есть большое не то озеро, не то болото, в котором заплутало космическое чудище. Оно, де, там живёт и не ведает, как выбраться к своим в космос. Я вначале посмеялся над этой сказкой, а через некоторое время услышал подобный рассказ вновь, может и не слово в слово, но очень была похожая история. По молодости лет мне такие рассказы были не очень близки сердцу, я торопился в свет, планировал получить хорошее образование, стать ученым, причём мечта была заняться зелеными массивами нашей Сибири, найти влияние тайги на климат всей планеты. Не я один был такой из нашей глуши, но мне неожиданно повезло, так как повстречался мне в жизни великий человек, большой исследователь природы, палеонтолог и известный впоследствии писатель: Ефремов Иван Антонович. Кто не зачитывался его приключенческими рассказами, красивыми романами о будущем, великим «Лезвием бритвы»? Встреча наша произошла на пароме при переправе через одну из сибирских рек. Там мы познакомились и Ефремов, узнав о моих мечтах, видимо почувствовал во мне что-то необыкновенное. Он дал мне адрес своих знакомых в Ленинграде и записку с просьбой помочь с устройством моей жизни. До сих пор благодарю судьбу о встрече с Иваном Антоновичем. Столько уже лет, как его не стало, а память о нем берегу в сердце и на могиле его бываю... Очень мне помогли друзья будущего писателя: меня устроили с жильём, помогли на первых порах с деньгами. С первого захода мне удалось сдать вступительные экзамены в институт и закончил я его с отличием. Дальнейшая работа по распределению не оставляла времени на личную жизнь, мне пришлось заниматься исследовательскими работами на Дальнем Востоке, я изъездил весь Уссурийский край, Магаданскую область, Сахалин. И где бы я ни был, воспоминания о родных краях не оставляли меня, я с живостью представлял картины, которые рассказывали бывалые охотники, встречающиеся с моим отчимом. Как сейчас, я помню эти рассказы в нашем доме, рассказы о необычном. В великих массивах Сибири происходили разные события, всё невозможно описать, но одно воспоминание всегда у меня перед глазами. Я как будто сам там нахожусь, вижу это озеро, этих необыкновенных существ, непонятно откуда взявшихся. Долгие годы сопоставлял я эти воспоминания с картой Сибири, много провёл бессонных ночей за чтением литературы и исследовательских статей о тех местах, но только на днях кое-что, наконец, прояснилось. Мне пришло письмо от нашего соседа по селу. Он прислал мне бумаги отчима, который скончался двадцать лет назад и был похоронен в тех местах, где прошла его жизнь. Мне не пришлось присутствовать на похоронах, я бы просто на них не успел. В те дни с экспедицией мы были в Китае. Мои научные работы не привлекли большого внимания специалистов, поэтому и сам я не получил осо-

бого признания. Но на жизнь мне хватало, изредка приезжал я в свою крохотную квартирку в Ленинграде, который затем обозвали старым названием Санкт-Петербург. Семьи у меня никогда не было, с такой кочевой жизнью создать семью никому не удаётся, поэтому я даже не пытался. Присланные мне материалы помогли восстановить кое-что из тех будораживших моё воображение рассказов старых охотников. Теперь мне точно удалось определить маршрут к тому озеру, где встречались необычные животные, и я решил обратиться к вам, понимая, что только группа людей способна найти и подтвердить то, что казалось когда-то необыкновенным. Отчим в своих письмах, собранных соседом и не отправленных своевременно, просил меня изучить те места и помочь кому-то. Он однажды добрался до того озера и видел всё своими глазами, а что он там увидел и кому просил меня помочь – я не знаю. Поэтому я к вам и пришел. Работу мне пришлось оставить, сейчас мои исследования никому не нужны, у меня появилось много свободного времени.

Зорин посмотрел на наши удивленные лица и добавил:

– Конечно, я могу обратиться к другим людям, в другие организации, журналы. Но то, что я прочитал у вас – это меня заинтересовало, и, думаю, что после ознакомления с моим планом и маршрутом экспедиции, вы мне поможете.

Сивцов посмотрел на меня. Не знаю, о чём он подумал, но скорее всего о средствах.

– Николай Николаевич, у вас какие-то фотографии имеются? – спросил я первое, что пришло в голову.

Профессор горько усмехнулся:

– Не те были времена, чтобы фотоаппараты повсеместно иметь. Конечно, нет никаких фотографий, но могу показать рисунок, сделанный одним из рассказчиков, на этот набросок я наткнулся в материалах отчима. Вот он...

На стол лёг помятый кусок не очень чистой бумаги, на котором мы увидели странное изображение. Рисовал человек, который был лишен способностей художника, поэтому сложно было понять этот набросок. К тому же масштаб по рисунку определить было невозможно. В середине листа помятой бумаги виднелся округлый предмет, отдалённо напоминающий доисторического ящера с длинным хвостом, тонкими лапами и двумя головами. Прямо скажем, картинка была несколько жутковата.

Алексей долго молчал, затем вздохнул и пробормотал:

– С такими материалами связываться...

Меня всё-таки заинтересовала история, поэтому я уточнил:

– Что-то ещё у вас есть? Как говорится – за пазухой? Или это всё?

Зорин покачал головой:

– Могу только добавить, что я ничего не придумал и уверен, что всё сохранилось до наших дней. Имея нормальные транспортные средства и дружную группу заинтересованных людей можно добраться туда и всё заснять за неполную неделю. Всё-таки на дворе – двадцать первый век! В журнале добавится много интересного материала, а я удовлетворю свое эго. Одному мне туда не добраться. Мало того, что это опасное путешествие для одиночки, но и веры нескольким очевидцам больше.

– Вы уверены, что там действительно стоящие таких затрат фото- и видеокдры? – Лёшку грызли сомнения. – Да и что вам лично за дело до моего журнала?

– Мы увидим там потрясающее зрелище! Сейчас я в этом абсолютно уверен.

После ухода Зорина мы ещё сидели в редакции долго. Просмотрели в Интернете данные о работах профессора, ознакомились с его короткой биографией, открыли карту Сибири. Конечно, территория Сибири настолько велика, что на ней несколько больших стран поместится, и понятно, почему Зорин просил помощи. Мне интересно было наблюдать, как редактор журнала, пусть не самого важного журнала в стране, но всё-таки известного печатного

издания, мучительно шёл к принятию важного решения об экспедиции. Думаю, что на это его подталкивало ещё и личное любопытство. Неделя – срок небольшой. Мы могли бы вместе с ним составить компанию Зорину. Когда учились в университете, мы с Лёшкой летом часто участвовали в разных походах, не одну ночь провели у костра. Конечно, годы были уже не те, но...

– Ну и что скажете, Маэстро? – назвал он меня старой студенческой кличкой. – На мой взгляд, вы почти уже решили последнюю неделю отпуска провести в Сибирских местах, отыскивая напридуманных кем-то страшилищ.

– Вообще-то, ты недалеко от истины, Сивый. Если у тебя в заначке имеется что-то для организации такого похода – я только за. Но только с тобой вместе, это моё условие. Когда-то у нас путешествия по таёжным местам были на первом месте. И мы об этом ни разу не пожалели. Кстати, и жён своих в путешествиях нашли. Но сейчас они, конечно, должны быть в неведении...

Сивцов задумался, причём надолго. Я ему не мешал, заинтересовался последним выпуском журнала, там было, о чём почитать. Наконец, Лёшка сказал:

– Ты же понимаешь, что затраты на экспедицию компенсировать из бюджета моего специфического журнала будет трудно, наверное, даже невозможно. Хотя побывать в тех местах захотелось и мне. Чем черт не шутит, когда волк спит?! Верится, правда, с трудом... – Он вдруг решил. – Сделаем так: до завтра вопрос остаётся открытым, пока я не провентилирую его со спонсором. У меня, как ни странно, появился в знакомых один денежный мешок, олигарх, короче. Пару раз хорошо меня выручил, но долги я успел вернуть. Поговорю с ним, попробую заинтересовать, а там – что он скажет, так и будет. Сам понимаешь, старик на этом не успокоится, пойдёт к другим, а вдруг дело стоящее, не упустить же?

– Так что, по домам? – потянулся я. За окном кабинета уже давно смеркалось.

На следующее утро меня разбудил звонок жены:

– И как нас ждут в Москве? Скучаем или по молодухам ударились?

– А как под Тулой у тётушек живётся? – в ответ пошутил я. – Не похудели, случайно? Или по три килограмма прибавили?

– Ой, какой ужас! Ты и впрямь про нас такое подумал?

– Ну, вы-то про меня подумали?

– Пошутить нельзя! Тебе привет от Маришки, она пока дрыхнет. Я же звоню так рано потому, что вчера вечером тебя не нашла. Забеспокоилась!

– Был у Сивого. Намечается одна работёнка, хочу помочь ему, пока в отпуске болтаюсь. А мобильник оставил на даче, может, сегодня заберу.

– Проблема у Лёши серьёзная?

– Пока неизвестно. Может, придётся с ним вместе на пару дней отлучиться, но с пользой для дела.

– Прошу тебя быть поосторожнее. Наслышана я о ваших с Лёшкой работёнках, ох, наслышана! Целую тебя. И Лёшу тоже.

– Лёша, пожалуй, перебьётся без ваших поцелуев. А вас я тоже в четыре щёчки чмокаю!

Мне подумалось, что сейчас делает Зорин? Он же ведь тоже ждёт решения. Какое оно будет? И что делать, если нас проблема не заинтересовала? К кому Зорину дальше обращаться? Сейчас выдумкой никого не удивишь.

Я проверил, что имею из вещей на случай, если у редактора получится разговор с олигархом. Фамилию он мне не назвал, да оно мне и не надо. Ну, Абрамович какой-нибудь. Или Дерипаска. Или ещё кто. Лишь бы деньги вложил в предприятие. Самое серьёзное здесь – время. У нас много его нет. А просторы у Сибири – знатные, за неделю Сибирь не объедешь.

В полдень позвонил Сивый:

– Всё в ажуре! Олигарх даёт личный вертолёт и обеспечивает полёт до точки и обратно.

– Без предварительных условий? Он что – такой же помешанный на природе, как и ты?

– А ты как будто и не рад? Сознаюсь, подфартило немного, про Зорина ему кто-то в детстве рассказывал, про его встречи с фантастом. Посчитал, что такой человек врать не должен, к тому же вчера ему обломился контрольный пакет акций некоего крупного предприятия, о котором он весь последний год мечтал. Так что пожелал показать свою широкую русскую душу.

– Так уж и русскую?!

– А какая нам с тобой разница?

Я согласился, что разницы нет, и стал собираться.

В десять часов утра к подъезду за мной пригнали шикарный «Лендровер». Я погрузился с вещами, и мы поехали за остальными. А уже к пяти часам троих путешественников погрузили на окраине Москвы в мощный вертолёт и отправили, как говорится, к чёрту на кулички. Два лётчика обеспечивали полёт по заданному нами маршруту.

– А обратно нас тоже на вертушке примчат? – поинтересовался я сквозь сильный шум вертолётных винтов.

– Спрашиваешь! Я тебе как-нибудь расскажу, что хорошего сделал я для хозяина этой штуковины. Иногда самому кажется, что я ещё мало с него требую в счёт расплаты. Сейчас не могу – есть секреты, которые раскрывать раньше времени нельзя, сам знаешь...

– Знаю. В детстве мне пришлось раскрыть один секрет про друга своего – Лёшку, касался сей секрет шоколадки, Лёшка стащил её у своей матери на моих глазах...

Сивый перебил:

– Ну, хватит шутить! Дело и впрямь серьёзное. Наши с тобой детские дела не идут в сравнение!

Я умолк. Конечно, раз Алексей не намерен веселиться – будем серьёзными. Детство наше проходило рядышком. Мы вместе ходили в одну школу, вместе любили Нинку с первой парты в начальных классах, одновременно к ней охладели, когда увидели, как она целуется со старшеклассником в тени кустов сирени майским вечером. Вместе штурмовали ВУЗы страны. Короче, у нас много было общего, как у всех ребят, которые жили по соседству, тем более на одной лестничной площадке. Интересы в жизни затем разделились. Сивцов заинтересовался журналистикой, начал писать статьи, рассказы. Он публиковался в научно-популярных журналах, затем свой такой же завёл. Мне же интересно было изучать жизнь на Земле, общие законы развития биологических видов. Для этого приходилось ездить по стране, по разным континентам...

Тяжело было спать в сложных условиях полёта, но выбирать не приходилось и, учитывая предстоящие утомительные поиски непонятно чего, мы с Алексеем всё-таки уснули. Проснулся я от лучей яркого солнца, светившего в круглое оконце вертолёта. Сивый ещё дремал. Похоже, ему снился потрясающий материал для обложки журнала, потому что он загадочно ухмылялся и изредка всхрапывал. Профессор, естественно, не спал, видно было, как он волновался. Бедняга переживал за всю экспедицию больше всех!

– Всё нормально, Николай Николаевич? – спросил я. – Чувствую, не спалось вам?

– Какое там... – махнул он рукой.

Здесь продрал глаза и наш редактор. Посмотрел на нас молча с минуту и отправился к пилотам. Вернулся он очень быстро, очень возбуждённый:

– Мы почти у цели! Командир заявил, что скоро пойдёт на снижение и будем полянку для птички искать. Куда вы ткнули пальцем, профессор, там и сядем! Не исчезла ещё тяга к знаниям? После такой-то болтанки под облаками?

– Продолжаю верить в те записи и убеждён в успехе! – твёрдо ответил Зорин и добавил: – Хотя весь полёт только чудом не вывернуло наизнанку. Оказывается, вертолёты мне противопоказаны...

Действительно, через несколько минут машина явно пошла к земле, солнце исчезло с обозреваемого мной окошка, где-то внизу появилась сплошная зелень тайги. Район, выбранный для поисков, был практически ненаселённым, здесь – среди богатого собо-лем и белкой леса – концентрация коренного населения, среди которых преобладали кеты и эвенки, составляла менее десятой человека на квадратный километр. Немудрено, что о предполагаемой твари, которую прибыли мы посмотреть, мало кто знал, а если кто и знал, то не очень стремился о ней докладывать в столицу.

Мы почувствовали, как приземлились, шум винтов стал быстро ослабевать. Ожил динамик над нами и голосом командира Иванцова скомандовал:

– Можно выпрыгивать! Ваши милости на точку доставлены!

После первого знакомства Жора Иванцов показался нам весёлым балагуром, а вот второй пилот – Виктор со странной фамилией Забудаило, украинец, наверное, – был необы-чайно краток в своём общении не только с нами, но и с Иванцовым.

Высадка прошла успешно, никто не ушибся, достигнув травяного покрова на земле. А травы здесь было полно: и густо и высоко! Хорошо, что оделись соответственно. Я не любитель собирать за шиворот всяких букашек, а их-то было в траве много. Мы сгрудились у вертолёта и обговорили порядок действий.

– Алексей, – обратился я к Сивцову, – фотографии, как всегда, за тобой, я с камерой не всегда справляюсь. Но зато беру на себя описание нашего приключения. Будет приклю-чение, Николай Николаевич?

Зорин, видимо, очень волновался, он ничего не сказал в ответ. Только рассматривал самодельную карту и сверялся с какими-то записями. Иванцов приготовился идти с нами вместе, что с его стороны было для нас приятным сюрпризом. Лишний человек в тайге не помешает, к тому же гигант Жора для нашей сохранности от зверя вооружился настоя-щим военным автоматом. У нас с Сивым была одна двустволка на двоих, а профессор шёл, можно считать налегке, никакого оружия у него не было. Мы вытянулись цепочкой за про-фессором, замыкал компанию пилот с «калашниковым». Шли довольно долго, я уже давно не совершал таких дальних путешествий, поэтому притомился к тому времени, когда Зорин остановился и проговорил:

– Мы совсем рядом, если верить этим записям. Считаю, что нужно к озеру подходить тихо, не создавать большого шума, чтобы не спугнуть... Я об этом дне мечтал всю свою сознательную жизнь. И, конечно, не хочу, чтобы произошли какие-то накладки. Звери, или как их там ещё можно назвать, при шуме спрячутся, не будут показываться несколько дней, а нам возвращаться на неделе надо.

Иванцов pokrutil пальцем у виска, пользуясь тем, что Зорин отвернулся, но мы с Алексеем сделали каменные лица, момент был не для шуток. Через сотню метров между деревьями показалась водная гладь. И вскоре мы очутились на берегу небольшого водоёма. Это не было озеро, скорее это был большой топкий грязный пруд, вытянутый в длину на пол-километра. Небо между высокими хвойными деревьями было ещё очень светлым, и над

водой стояла странная для таёжных мест тишина. Нам даже и не хотелось своими разговорами тишину эту нарушать, я бы назвал всё это тревожным ожиданием какого-то чуда. Понятно, что всё было навеяно рассказами профессора, а мы давно были взрослыми людьми и во всякие сказки верили с трудом. И всё равно было не по себе.

Жору Иванцова мы осведомили о событиях давних лет – вымышленных либо настоящих – перед самым полётом. И теперь он лишних вопросов не задавал, а как военный человек, быстро помог поставить палатку – без шума, без суеты. Тишину вечера решили не нарушать огнём костра, разговаривали шёпотом. Пожевали всухомятку принесённое в рюкзаках, затем улеглись отдыхать в палатку, оставив пилота на стрёме. Он сидел на складном стуле, а рядом неярко горел аккумуляторный фонарь. Но хорошо войти в сон не удалось, потому что в палатку заглянул Иванцов и удивлённо сказал:

– Виктор передал по рации – у него что-то странное творится с приборами вертушки.

Дрёма сразу прошла, профессор попросил разъяснений:

– Что значит – странное?

Иванцов задумчиво смотрел на появившуюся между деревьями луну. Перевёл взгляд на Зорина, ещё помолчал, потом нехотя проговорил:

– На вертолёте, в котором находится Забудайло, без видимой причины включились все приборы, используемые в полёте. Он пытается решить проблему без меня.

Наступила пауза.

– Может, он пошутил? – неуверенно спросил Алексей.

– В час ночи? – Жора был настолько серьёзен и обеспокоен, что больше вопросов не было. – Не думаю. Одно плохо, что уже полчаса связи с ним нет.

– Что же делать? – поинтересовался я.

Пилот пожал плечами:

– Придётся подождать. Всякое бывает в жизни... Вам бы выйти из палатки, на этом озере, похоже, тоже происходит что-то неладное.

Мы выскочили наружу, стали вглядываться в лежащую перед нами водную гладь. Вначале я ничего особенного не заметил, только подальше от берега вода казалась несколько светлее, чем у наших ног. Потом появилось какое-то слабое движение под поверхностью, будто начинались волны. И в этот момент мы услышали нарастающий шум вертолётных винтов. Мы в изумлении увидели наш сверкающий светом из всех окон вертолёт, причём, появившись из-за деревьев, он явно направлялся в сторону водоёма, больше того, вертолёт стал снижаться к воде.

Я посмотрел на Жору, он явно был шокирован увиденным. В микрофон рации Жора закричал:

– Витя! Что ты делаешь? Машину утопишь!!!

По реакции Иванцова было ясно, что ответа не последовало.

Вертолёт завис над озерцом, вода бурлила под ним и светилась всё сильнее. Мы ничего не могли предпринять без связи с оставшимся на борту пилотом.

Далее последовало странное событие, врезавшееся мне в память, видимо, до конца жизни. Вертолёт резко провалился к самой воде, погрузившись в неё колёсами. Через освещённые окна кабины управления мы увидели, что на месте пилота никого нет. Грузовой люк распахнулся, из воды очень медленно появились две странные живые фигуры, чем-то напоминавшие мне рисунки, которые несколько дней назад показал нам Зорин. Они просто поднимались, нарушая незыблемые законы гравитации! По очереди они также медленно втиснулись внутрь громадного вертолёта, люк захлопнулся.

Такие живые организмы мне на нашей матушке Земле раньше не встречались, хотя, слава богу, по роду своей деятельности я изучил огромное количество материалов из библиотек, а затем из Интернета. За те минуты, что они поднимались в вертолёт, мы наблюдали

вертикальные, несколько аморфные тела невиданных животных с настоящей головой, имеющей ротовое отверстие, но самое необычное состояло в том, что они имели по три глаза! Светло-серые тела с нашего места на берегу – до происходящего было не более тридцати метров – прекрасно просматривались. Эти иноземные глаза светились, словно изумрудные, от разливавшегося вокруг света. Они сияли нестерпимой красотой! Впору было отвернуться, но отвести свои глаза мы не могли, мы просто механически любовались ими.

Прошло ещё несколько минут, никто из нас не был в состоянии о чём-то говорить. Затем вертолёт стал подниматься вертикально вверх, движение продолжалось совсем немного, вероятно, он достиг высоты где-то около ста метров. Может это и странно, но в этот момент к нам совсем неожиданно вернулась речь. Зорин накинулся на Сивого, хлопнув его по плечу:

– Почему вы не снимаете, ведь мы же условились о съёмках?

Мой друг вздрогнул, выхватил из футляра «Nikkon» и начал съёмку, но понятно было, что самое главное он проспал. Иванцов спросил у меня задумчиво:

– Как вы думаете, они сожрали моего Забудайло?

– Ну что вы, Жора! – возразил я. – Они усыпили Виктора и отправили на свою прародину.

– Что вы такое говорите? – рассердился он. – На какую такую прародину? Вертолёт – над нашей головой! Никто никого никуда не может отправить в такой ситуации!

– Возможно, что вы правы, но давайте немного подождём. По-моему, ещё не всё закончилось!

Действительно, мы стали свидетелями дальнейших невероятных событий. К нашему зависшему в ста метрах от поверхности воды вертолёту откуда-то с темноты необъятного неба, как будто из космоса, приблизилась огромная конструкция неизвестного механизма размером с приличный стадион. Вертолёт исчез в ней на несколько мгновений, а затем вновь появился. Я протёр глаза, кажется, это сделали все стоящие на берегу успокоившегося таёжного озера. Но самое главное нас ждало впереди. Как-то внезапно «космический стадион» исчез, а вертолёт стал постепенно снижаться, вскоре он приземлился на достаточно вместительной полянке не遠далеке от нас, люк пилотской кабины распахнулся и в него высунулся знакомый нам Виктор Забудайло. Оказывается, его никто не сожрал! Иванцов побежал к вертолёту, и мы трое потянулись следом. И хотя происшедшее никак не укладывалось в голове, следовало делать следующий шаг, по крайней мере, к возвращению домой. И мы полезли в наш грохочущий винтами вертолёт.

Иванцов вышел к нам из кабины и предложил:

– Считаю так: время не терять и быстренько отсюда сматываться! Виктор, к сожалению, ничего не помнит, но в Москве мы обратимся к врачам, или колдунам-экстрасенсам, что-то из него выжмем. К тому же здесь опасно находиться, радиационный фон начал зашкаливать!

В столице следующие дни, наполненные рабочими буднями, перемежались со встречами с какими-то незнакомыми людьми, пытающимися выяснить, что произошло в тайге. Зорин после приземления на окраине Москвы нас оставил и удачно скрылся от всей этой любопытной братии, пытающейся выведать тайну внеземной цивилизации и механизм действия встреченной нами чужой техники.

Забудайло ничего не смог вспомнить, хотя с ним работали главные российские медицинские светила. Привлекали гипнотизеров, иных экстраспециалистов – без толку. Всё, что у нас осталось – запись на магнитофоне, который наши пилоты использовали для музыкаль-

ного сопровождения своих полётов. Но как раз про неё мы никому не рассказали. Как-то Сивцов предложил мне заглянуть к нему в редакцию:

– Здесь Иванцов зашёл, принёс кое-что любопытное. Если ты не очень далеко, то загляни, мы полчаса можем подождать...

Конечно, мне повторять не нужно было, оставив машину у станции метро из-за пробок, я успел добраться своевременно. Мы обменялись рукопожатиями и сразу приступили к делу. Оказывается, на одном из аудиодисков в своём вертолёте Жора нашёл запись инопланетян. О том, что мы в экспедиции столкнулись именно с представителями инопланетной цивилизации, сомнений у нас не было. Но доказательств как таковых не имелось, одни устные рассказы, фольклор, короче. И вот на диске месяцы спустя Иванцовым была обнаружена запись, сделанная неизвестным путем. Голос был с металлическими нотками, ни о какой грамматики речи не шло, однако разобрать кое-что было можно.

На середине диска песня Мадонны прерывалась и звучал неземной голос:

– Обращаемся к Вам, прибывшим прошлый день! Наша цивилизация несравненно старше, планеты нашей звезды находятся в далеких годах по лучу света. Мы родились в воде и живём в воде, дышим растворённым кислородом. Нам важна кислородная атмосфера, у вас её много... Наши планеты покрыты водными океанами, суши практически нет. Наша родина близка к гибели, мы ищем похожих на нас, но не находим. Ищем подходящие планеты для переселения и не находим. Обогревающая наши планеты звезда близка к окончанию своего жизненного цикла, планеты начали остывать. Мы прибыли к Вам за шестьдесят шесть оборотов планеты вокруг центрального светила. Модуль наш потерпел аварию, мы остались вдвоём, а корабль находится на орбите и не в состоянии нас обнаружить. Ваша помощь подоспела своевременно. Долгое время мы питались существами, живущими вокруг озера, притягивая их умом. О нас можете забыть, корабль нас забирает и больше мы вас не потревожим. Мы уважаем все цивилизации, как и свою. Прощайте!..

– Сознайся, Жора, что ты это всё выдумал? – послушав запись, спросил я прямо. – Или я тебя съем, притянув умом!

Иванцов покачал головой:

– Ничего я не выдумал. У меня фантазии не хватит на такое! Диск я вам оставляю, делайте с ним, что хотите. Иногда мне кажется, что те дни мне просто приснились!

Мы переглянулись с Сивым. Как можно такое комментировать? Это ведь опять не доказательство. Фольклор опять...

Утром жена с тревожным любопытством смотрела на меня. Мы позавтракали, отвезли Маришку в школу и уже на обратном пути она спросила:

– О ком ты мог ночью мечтать?

– В каком смысле? – удивился я.

– В прямом! Под утро ты бормотал тако-о-е! «Твое тело прекрасно! Ты божественна! Глаза твои излучают волны любви!» Наверное, вы с Лёшей не в тайгу летали, а к легкомысленным девицам ездили! Признавайся!

Я подумал немного, затормозил в переулке и признался:

– Любимая моя жёнушка! Если бы ты была с нами, то признаний от меня не требовала бы. Там были не глаза, там были глазищи, необыкновенно прекрасные глазищи, причём не два, как у людей, а три! Можешь представить себе существо с тремя глазами, требующими взглядом к себе внимания и вечной любви?

Супруга моя внимала и по выражению её лица можно было предположить, в какую клинику в первую очередь она меня отвезёт. Там не менее я продолжал:

– Мы поклялись молчать! Вместе с лётчиками поклялись. Зная, что ты сможешь сохранить тайну, я расскажу всё, покажу копии всех документов той неудавшейся экспедиции. И тогда ты согласишься мне, тем более, что прекрасно знаешь, как я вас с Маришкой обожаю, моя любимая!

– Похоже, – заявила моя благоверная, – у меня сейчас тоже третий глаз появится. И будет нас лечить один и тот же врач!

На окраине галактики

Пульсолёт выглядел мрачно. Лучи света, направленные на него ЛК, освещали весь корпус межзвёздного странника. Никаких признаков жизни внутри не обнаруживалось, хотя моране, случайно наткнувшиеся на него в этом необитаемом районе галактики, дежурили по очереди у экранов обзора уже пятые сутки. Расстояние до пульсолёта не превышало двух километров, что было довольно опасным, учитывая возможности находящегося перед ними летательного аппарата.

Корабельный компьютер морян сразу определил тип и время создания сверкавшей вдалеке техники. Не подлежало сомнению, что пульсолёт был изготовлен на одном из спутников Сатурна – Титане – не позднее двух столетий назад. Эта серия была тогда в моде, звездолетчики на такого рода механизмах могли забираться в бесконечные дали Вселенной и возвращались после открытия Новых миров. Чаще всего миры оказывались из чёрных холодных планет, либо раскаленных звёздных шаров, даже не имеющих вокруг себя планетных систем. Из живой органики были найдены в разных концах бескрайнего космоса только мхи на скалах в Зоне жизни у звёзд, похожих на Солнце. Земляне постепенно привыкли к мысли, что они одни во Вселенной и постепенно снизили активность в её изучении.

Моране всё это знали, они часто находили заброшенные землянами звездолёты, отходившими свой срок. Встречались и корабли с погибшими экипажами. Помочь землянам не представлялось возможным, на планете Мора, находившейся в четырех световых годах пути от Солнца, жизнь развивалась совсем по другому сценарию, чем на Земле. Каждый из морян представлял собой сгусток энергии, которую ещё не открыли земляне, да скорее всего и не откроют, не успеют, Солнце вспыхнет гораздо раньше...

ЛК обратился к дежурившему с ним 3G, предложив начать действия с пульсолётом, необходимо было убедиться, что люди на борту мертвы. Тогда можно превратить этот мусор в излучение и продолжить путь дальше. Моряне направлялись в соседнюю галактику – Туманность Андромеды – к своим инициаторам, к тем, кто миллионы лет назад основал колонию у Проксимы Центавра. Земляне назвали бы их родителями, праотцами или ещё как-нибудь. Задержка в пути не имела значения, время для морян не существовало, они просто пользовались им для удобства сравнения при контактах с другими формами существования материи в необозримом космосе. Иногда это помогало во время оказания помощи гибнущим средствам передвижения на Земле, при ликвидации последствий неосторожных военных конфликтов, а также для предотвращения таковых. Морян удивляла тяга белковых жителей Земли – этой красивейшей в ближайшем космосе планеты – к необходимости организации массовых уничтожений себе подобных, к терактам, к всепланетным угрозам насилия, к нападениям на слабого, а иногда, – используя эффект внезапности – и на более сильного противника. Земляне очень легко создавали себе объекты для нападения и, если бы не гуманная деятельность, проявляемая морянами, их вид, как живых существ в обитаемом мире великих просторов вселенной, исчез бы сотни лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.